ХРИСТІАНСКАЯ РЕЛИГІЯ,

КАКЪ

ИСТОЧНИКЪ РАДОСТЕЙ

И

СЧАСТІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО НА ЗЕМЛѢ.

Проф. **А. А. Царевскаго.**

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1899.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Епископъ **Антоній.**

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1140
31

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1899 годъ.

Готовое кануть въ вѣчность, наше XIX столѣтіе, чѣмъ ближе подходитъ къ своему закату, тѣмъ болѣе получаетъ тревожный и мрачный оттѣнокъ. Не смотря на кипучую дѣятельность человѣчества, не смотря на видимые успѣхи прогресса, массу разнообразныхъ изобрѣтеній и открытій, обставляющихъ человѣка всевозможною роскошью и удобствами, человѣкъ все болѣе и болѣе унываетъ, озлобляется, чувствуетъ и сознаетъ себя несчастнымъ. Всюду слышны сѣтованія и жалобы на тяжкую, несчастную долю, вездѣ видится недовольство, разочарованіе, всѣхъ въ большей или меньшей степени одолѣваетъ тоска, осиливаетъ отчаяніе, изводитъ „скука жизни“. Какъ никогда въ былые старые годы, въ послѣднее время увеличиваются душевные недуги и болѣзни; нашъ „нервный вѣкъ“ есть больной вѣкъ распатанности міросозерцанія, неустойчивости убѣжденій, вѣкъ апатіи, меланхоліи, психопатіи и всякихъ душевныхъ страданій, а въ зависимости отъ этого—и страшный, печальный вѣкъ ужасающихъ злодѣяній, сумасшествій, самоубійствъ.

Для всякаго человѣка, способнаго мало-мальски безпристрастно, объективно взглянуть на современную

жизнь цивилизованнаго человѣчества, ясно, что эта жизнь течетъ ненормально, что человѣкъ сбился съ прямой дороги, съ надлежащаго законнаго своего пути.

И въ самомъ дѣлѣ, куда идетъ современный человѣкъ, чѣмъ занята его душа, къ чему онъ стремится и какими средствами хочетъ достигнуть своего довольства, спокойствія, счастія?

Не можетъ быть, кажется, никакого разногласія въ томъ, что выше всего, заманчивѣе всего и всесильнѣе всего, въ мнѣніи современнаго человѣчества, является матеріальное довольство, избытокъ средствъ, богатство. Въ нашъ такъ и прозванный „практическій вѣкъ“ человѣкъ воистину есть рабъ золотого тельца, изъ-за котораго и вокругъ котораго кипитъ весь базаръ житейской суеты; человѣкъ гонится за золотомъ, ему съ большимъ или меньшимъ самоотверженіемъ служитъ, ради него надрываетъ свои силы, тратитъ свои таланты, а нерѣдко поступается и своей честью, совѣстію, жертвуетъ своею душою. Но даетъ ли человѣку прочныя радости, награждаетъ ли его полнымъ счастьемъ этотъ земной кумиръ? Нѣтъ, чаще всего онъ только мучитъ человѣка, травитъ и озлобляетъ его, только изможданетъ силы и способности его физическія и душевныя; даже и при удачѣ онъ не доставляетъ человѣку полнаго удовлетворенія и спокойствія, такъ какъ отравляетъ богача вѣчными заботами и опасеніями при жизни, и поражаетъ его полной безнадежностью при смерти. Чѣмъ больше человѣкъ пользовался богатствами своими въ жизни своей, тѣмъ ужаснѣе и мучительнѣе, по мѣрѣ приближенія къ смерти,

раскрывается въ немъ сознаніе, что, умирая, онъ лишается всей силы своей и идетъ въ жизнь вѣчную одинъ, съ одними только грѣхами своими. Величайшіе мудрецы міра этого, богопросвѣщенные апостолы и святые отцы и учители церкви, въ высшей степени вѣрно охарактеризовали безотрадное состояніе души людей, преданныхъ только матеріальнымъ заботамъ и богатству. *Хотящіе богатиться*, сказалъ Апостолъ, *впадаютъ въ напасти, въ сѣти и въ похоти многія несмысленныя и вреждающія, которыя погружаютъ людей во всегубительство и въ погибель* (1 Тимоѳ. 6, 9). *Горе хваляшимся множествомъ богатствъ своихъ*, говоритъ ветхозавѣтный мудрецъ, царь Давидъ: *скопляя сокровища, знаютъ-ли, для кого собираютъ?!* (Псал. 48, 7). „Нѣтъ ничего вѣроломнѣе богатства, говоритъ святый Златоустъ: оно — неблагодарный бѣглецъ, невѣрный рабъ; хотя бы ты оковалъ его тысячею оковъ, оно убѣжитъ и съ ними. Что ненадежнѣе его! И какъ жалокъ собиратель богатства: онъ — стражъ своего имущества, а не господинъ, рабъ, а не властелинъ“ [1]). Сребролюбцу, говоритъ Василій Великій, никогда не достаетъ счастія и довольства: „его не столько веселитъ то, что онъ нажилъ, сколько печалитъ то, чего у него не достаетъ. Онъ дня не проведетъ мирно, ночи не уснетъ покойно“, и т. д. [2]). Съ другой стороны, кто и изъ насъ не знаетъ болѣе или менѣе многочисленныхъ случаевъ и примѣровъ того, какъ

---

[1]) Бесѣда на текстъ Апостола 1 Тимоѳ. 6, 17.

[2]) Бесѣда на текстъ: разорю житницы и большія созижду.

богатство только развращаетъ, портитъ человѣка и, доставляя ему иногда только призрачное счастіе, въ сущности губитъ его? Сколько безчестныхъ, постыдныхъ дѣлъ, сколько преступленій, совершается изъ-за богатства, сколько и хорошихъ людей пропадаетъ изъ-за него! Злато является столь дѣятельнымъ агентомъ зла въ мірѣ, что нельзя не признать большой доли правды въ извѣстномъ афоризмѣ: „Золотымъ вѣкомъ для человѣка былъ тотъ вѣкъ, когда люди не знали золота“.

Другіе люди ищутъ счастья себѣ въ силѣ, власти, славѣ земной; многіе хотятъ найти удовлетвореніе въ искусствахъ, въ наукѣ, въ служеніи дѣлу человѣческаго прогресса и т. д. Гордость, сознаніе своего величія, похвальбы своими успѣхами часто туманятъ голову человѣка и доставляютъ, повидимому, счастіе и довольство ему. Особенно въ наше новое время такъ многіе и столь много кичатся успѣхами въ познаніи, побѣдами надъ природою, удачами въ политикѣ и т. п. Но какъ и это все не прочно, не основательно, какъ часто такое счастіе человѣческое оказывается мнимымъ и только призрачнымъ! Въ исторіи человѣчества мы имѣемъ множество примѣровъ того, какъ великіе успѣхи научные, техническіе и т. п. сопровождались нравственнымъ растлѣніемъ общества, какъ самый блестящій разцвѣтъ наукъ и искусствъ не увеличивалъ довольства человѣческаго, а напротивъ, умножалъ сумму страданій и несчастій, только сопутствовалъ паденію человѣческому. Что, напримѣръ, могло быть величавѣе и славнѣе древняго Вавилона? Это былъ городъ —

краса міра, гордость царствъ, и какая же судьба его? Онъ погибъ и съ прахомъ своего земного величія, былъ ниспроверженъ, какъ Содомъ и Гоморра. По слову пророка, гордому могуществу его положенъ былъ конецъ, и превратился онъ въ логовище дикихъ звѣрей, въ пустыню изъ пустынь: *домы его наполнились филинами, шакалы начали выть въ прежнихъ чертогахъ, гіены возгнѣздились въ роскошныхъ домахъ его* (Ис. 13, 19–22). *Мудрость твоя и знаніе твое*, заключаетъ пророкъ, обращаясь къ Вавилону, *сбили тебя съ пути. А ты говорилъ въ сердцѣ своемъ: я одинъ и никто противъ меня! Я одинъ и нѣтъ иного, кромѣ меня*! (Ис. 47, 10; Соф. 2, 15). Такимъ образомъ, слава привела къ безславію, величіе къ ничтожеству; подъ кровомъ гордаго внѣшняго блеска и счастія образовалась нравственная трясина, духовная пропасть, въ которую и рухнуло все зданіе земного благоденствія.

Такъ тлѣнны и ненадежны земныя радости и блага человѣческія, такъ, по слову Апостола, измѣнчивъ и преходящъ *образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31). Несомнѣнно, всѣ эти земныя радости не могутъ дать полнаго покоя и истиннаго счастія безсмертной и нетлѣнной человѣческой душѣ. Былъ ли на свѣтѣ человѣкъ, болѣе мудрый и съ человѣческой точки зрѣнія болѣе счастливый, по-земному болѣе славный, какъ царь Соломонъ! И къ какому же окончательному убѣжденію, къ какому итогу жизненному пришелъ онъ? Нашелъ ли онъ въ богатствѣ, славѣ, власти и въ мудрости своей, во всѣхъ удачахъ и удовольствіяхъ жизни полную радость и счастье? — *Былъ я великъ и богатъ больше, чѣмъ всѣ*

люди; чего бы ни попросили глаза мои, я ни въ чемъ имъ не отказывалъ; ни въ чемъ не поперечилъ я сердцу своему, никакого веселія не лишилъ себя.... И оглянулся я на всѣ дѣла мои и на всѣ труды мои...: все это суета и пустая мечта! И опротивѣло мнѣ все.... Суета суетъ и всяческая суета! (Еккл. 2, 9—11, 18; 1, 2). Это — приговоръ мудрѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ царей, признаніе человѣка, пресыщеннаго земнымъ счастіемъ и благоденствіемъ. А этотъ примѣръ далеко не исключительный и не единичный; множество лучшихъ людей, за свою мудрость, оставшихся безсмертными въ памяти человѣчества, убѣдились въ полномъ ничтожествѣ всѣхъ земныхъ стяжаній, благъ и удовольствій, а потому и добровольно отрекались отъ всего земного. Напримѣръ, одинъ изъ прославленныхъ семи мудрецовъ древности, Віасъ, во время осады его родного города непріятелями, когда жители съ воплемъ бѣжали вонъ, спасая свое достояніе, спокойно шелъ изъ города съ пустыми руками; на вопросъ окружающихъ, почему онъ ничего не взялъ изъ своего имущества, Віасъ отвѣчалъ: „мое все со мною, въ душѣ моей, а все прочее — не мое и не нужно мнѣ“. Солонъ, другой мудрецъ древности, на вопросъ: кто всѣхъ счастливѣе на землѣ?—отвѣчалъ: „тотъ, кто все свое охотно отдаетъ другимъ, а отъ другихъ себѣ ничего не желаетъ“. Цѣлая школа философовъ стоиковъ и на словахъ и въ жизни отрицала всѣ блага и радости земныя. Діогенъ, ничего не имѣвшій и поселившійся въ пустой бочкѣ, однако произвелъ на Александра Македонскаго впечатлѣніе столь счастливаго человѣка,

что послѣдній сказалъ: „я самъ желалъ бы быть Діогеномъ, если бы не былъ Александромъ“.

Неудивительно, что современный человѣкъ, прилѣпляясь душою своею только къ земнымъ благамъ, стремясь только къ внѣшнимъ успѣхамъ, временнымъ и случайнымъ радостямъ, т. е. къ тому, въ чемъ нѣтъ истиннаго счастія, дѣйствительно и не находитъ его, а потому и скучаетъ въ своей безсодержательной жизни, тоскуетъ и устаетъ отъ своего безпѣльнаго существованія. Лишаясь же своего призрачнаго счастья или испытывая въ немъ неудачи, человѣкъ, такъ нерѣдко теперь, впадаетъ въ отчаяніе, страдаетъ, лишается разсудка, даже способенъ бываетъ поднять на себя руку. Житейское счастіе, такимъ образомъ, является постояннымъ поводомъ только несчастій и источникомъ страданій человѣческихъ. Погоня за этимъ счастіемъ только калѣчитъ человѣка и удаляетъ его отъ истиннаго счастья: направляя всѣ силы и стремленія его въ одну сторону, земное счастіе съуживаетъ кругъ мыслей человѣка, притупляетъ его душу и ограничиваетъ его дѣятельность. Сердце такого человѣка, заполненное мірскою суетою и, въ зависимости отъ того, неизбѣжно изсушенное эгоизмомъ, холодно ко всему прекрасному въ мірѣ Божіемъ, чуждо чистой любви, не понимаетъ безкорыстныхъ побужденій и дѣйствій. Воля его, истратившаяся въ борьбѣ за житейскія блага, является слабою на доброе дѣло, на благородный поступокъ. Окутывая человѣка крѣпкою сѣтью земныхъ пристрастій, обычное человѣческое счастье дѣлаетъ человѣка безчувственнымъ и глухимъ къ наслажденіямъ

высшимъ и нетлѣннымъ, къ интересамъ святымъ и духовнымъ; оно подавляетъ духовность человѣка, убиваетъ его чувства, постепенно приводитъ человѣка къ состоянію нравственнаго одичанія. И искалѣченная душа человѣческая неизбѣжно болѣе или менѣе мучится и болѣетъ, часто и не сознавая истинной причины своего страданія. По временамъ, въ минуты просвѣтленія, душа эта мучительно тоскуетъ и горько оплакиваетъ потерю своей чистоты, святости и духовности; чаще же она впадаетъ въ мракъ безпомощной озлобленности, безысходнаго отчаянія и дѣлается тогда уже способною на всякое зло и преступленіе.

Вращаясь въ сферѣ только земныхъ интересовъ и эгоистическихъ принциповъ, человѣкъ святотатственно помрачаетъ въ себѣ образъ Божій, преступно искореняетъ изъ себя подобіе Божіе и сознательно примѣняетъ себя „скотамъ несмысленнымъ“, которые по самой природѣ своей не знаютъ неба и не вѣдаютъ въ жизни своей ничего духовнаго и святого. Но даже и въ этой жизни, не говоря уже о будущей, такое святотатство для человѣка не проходитъ безнаказаннымъ. Больше всего человѣкъ несетъ въ себѣ наказаніе за то, что убиваетъ и вытравляетъ въ душѣ своей самое высокое и святое ея преимущество надъ всѣмъ земнымъ, основу всего святого и идеальнаго въ жизни, самый вѣрный непреложный источникъ счастья и вѣчныхъ радостей человѣческихъ—*вѣру, религію.*

Нужно ли говорить о той въ высшей степени опасной и зловѣщей болѣзни духовной нашего „просвѣщеннаго времени“, что вѣра въ Бога въ сердцѣ

человѣческомъ все больше и больше скудѣетъ, что всюду все болѣе и болѣе распространяется духъ невѣрія,—и это даже въ нашемъ отечествѣ, которое изстари прозвано было „святымъ“ и которое именно вѣрою своею „побѣдило царствія“, совершило великія дѣла, возросло и укрѣпилось въ великую силу и могущество. Всюду теперь видимъ мы прогрессивно увеличивающійся религіозный индифферентизмъ, равнодушіе и безразличіе въ исповѣданіи вѣры, стремленіе высвободить себя отъ всякихъ религіозныхъ узъ и обязанностей. Правда, у насъ нѣтъ еще или очень мало столь упорныхъ и злобныхъ враговъ вѣры святой, каковы были напримѣръ за границею печально-извѣстные Вольтеръ, Ренанъ, Прудонъ и мн. др., которые хвалились своей ненавистью къ христіанству и съ адской злобою усиливались истребить его; во всякомъ случаѣ натискъ „цивилизованнаго безвѣрія“ несомнѣнно коснулся и нашей Россіи, православно-христіанскія убѣжденія въ рядахъ именно культурной публики русской замѣтно пошатнулись.

Въ виду этого, дѣломъ насущной потребности для христіанина является въ настоящее время--сознательнѣе и крѣпче убѣждаться въ той непреложной истинѣ, что религія есть неискоренимая потребность духа человѣческаго, что христіанство есть спасительная сила и опора человѣка во всемъ его существованіи, что оно есть необходимое условіе спокойствія, довольства и счастія человѣческаго, даже и въ этой временной жизни его, здѣсь, на землѣ.

Прежде всего, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что религія есть неотвратимая, неистребимая, насущная потребность души человѣческой. Съ первыхъ дней существованія человѣка на землѣ и доселѣ религія является самымъ всеобщимъ и непререкаемымъ фактомъ во всемъ человѣческомъ родѣ, обязательнымъ духовнымъ достояніемъ всякаго человѣка и народа, не исключая и самыхъ дикихъ дикарей. „Ты можешь найти государства, говорилъ Плутархъ, безъ укрѣпленій, безъ наукъ, безъ законовъ; увидишь людей безъ жилищъ, не знающихъ употребленія монетъ, не имѣющихъ понятія объ изящныхъ искусствахъ; но никто еще не видалъ народа безъ вѣры въ Бога, безъ молитвъ, безъ жертвъ, клятвъ“ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, исторія знаетъ вѣроисповѣданія слишкомъ далекія отъ истины и совершенства, религіи до послѣдней степени извращенныя, грубыя и безсмысленныя, знаетъ народы, боготворившіе грѣхи и пороки людскіе, поклонявшіеся лягушкамъ, гадамъ пресмыкающимся,—но не знаетъ народа безъ религіи. Значитъ, какъ бы ни было помрачено и затемнѣно представленіе о божествѣ въ человѣческомъ сознаніи, но послѣднее не можетъ существовать безъ Бога. Значитъ, вѣра—не самовольное измышленіе людей, котораго могли бы они и не имѣть, не изобрѣтеніе человѣческое, какъ не изобрѣтеніе же—сонъ, голодъ, рѣчь и т. п. Значитъ, религіозное чувство есть прирожденная человѣку, неотъемлемая собственность души его, и потребность Бога, исканіе Бога, напряженное, неподавимое стремленіе къ Нему есть

существенное свойство человѣка. Какъ голодный ищетъ хлѣба, жаждущій питья, такъ душа человѣческая, по выраженію пророка, *жаждетъ Бога, крѣпкаго, живаго* (Пс. 41, 12). Можно, конечно, препятствовать этому стремленію, какъ можно остановить и камень, падающій на землю; но какъ послѣдній всегда тяготѣетъ къ землѣ, такъ и человѣкъ вѣчно будетъ устремляться къ Богу. Какъ глазъ направляется къ свѣту, ухо къ звуку, растеніе къ теплотѣ солнечной, такъ и человѣкъ не можетъ быть разлученъ отъ Бога. Богъ для него всегда есть высшая цѣль стремленій, его высшій и святѣйшій идеалъ. Человѣкъ можетъ ошибаться, можетъ своею омраченною мыслію усматривать Бога въ чемъ либо другомъ, небожескомъ, даже иногда въ низкомъ, недостойномъ, но во всѣхъ поискахъ Бога со стороны человѣка всегда есть зерно истины, всегда въ этомъ обнаруживается внутренняя сила, движущая человѣка къ истинному Богу, сказывается духовный инстинктъ человѣческой природы, влекущій человѣка къ Богу. Во всѣхъ заблужденіяхъ религіозныхъ человѣкъ несомнѣнно имѣетъ въ виду Бога истиннаго, Его именно ищетъ и, хотя бы даже ошибаясь въ своихъ поискахъ, человѣкъ все же въ представленіи именно Бога обрѣтаетъ себѣ успокоеніе, довольство и блаженство. Безъ религіи человѣкъ есть существо ненормальное, неполное; полный атеизмъ для человѣка невозможенъ и представлялъ бы въ человѣкѣ аномалію, явленіе патологическое, уродство. Намѣренно и съ усиліями изгоняя изъ души своей вѣру въ Бога, человѣкъ, обыкновенно, тщетно пытается вытравить изъ существа сво-

его одну изъ основныхъ, неистребимыхъ и неотвратимыхъ стихій своего духа, самый существенный родовой свой признакъ. Только человѣку на землѣ присуще религіозное чувство, и изъ всѣхъ разнообразнѣйшихъ силъ и способностей человѣческихъ, имѣющихъ различную нравственную цѣнность, нѣтъ выше и благороднѣе, чище и свѣтлѣе, глубже и неотразимѣе потребности вѣры въ Бога, стремленія къ Существу безконечному, высочайшему.

Существенное свойство духа человѣческаго, религія есть въ то же время и основа духовной жизни человѣка. Умственное, нравственное и общественное развитіе народовъ, все міросозерцаніе ихъ всегда стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ ихъ религіозными воззрѣніями, подъ неотразимымъ вліяніемъ послѣднихъ слагается и ими освящается. „Взгляните, говоритъ напр. одинъ изъ изслѣдователей древности, на бытъ античнаго міра: вы найдете тамъ много темнаго, страннаго и необъяснимаго; но все это находитъ себѣ объясненіе въ ихъ вѣрованіяхъ, на нихъ все опиралось и изъ нихъ вытекало“ [1]). По словамъ одного изъ западныхъ апологетовъ, Лютарда, „религія есть материнское лоно, изъ котораго вышла вся духовная жизнь человѣчества,— вся высшая культура человѣческаго рода есть дочь религіи“. Даже извѣстный невѣръ Прудонъ, французскій соціалистъ, и тотъ вынужденъ былъ признаться: „удивительное дѣло, какъ скоро мы уходимъ въ глубину древности въ исторіи народовъ, мы наталкиваемся

[1]) Куланжъ. Гражданская община античнаго міра. Стр. 3.

на религію“ [1]). И дѣйствительно, Библія, эта единственно достовѣрная древнѣйшая исторія первобытнаго человѣчества, удостовѣряетъ, что только религія одна была воспитательницею и руководительницею человѣка съ первыхъ дней его существованія на землѣ. Поэтому вся жизнь и культура первобытнаго человѣчества всецѣло проникнута была религіознымъ началомъ. И послѣ того, жизнь языческихъ народовъ всегда носила и носитъ по преимуществу религіозный характеръ, хотя религія ихъ и состоитъ изъ мрака суевѣрій и миѳологическихъ измышленій. Сила и вліяніе религіи такъ часто проявляется въ поведеніи этихъ народовъ, обнаруживается въ поступкахъ, хотя и далекихъ отъ совершенства и святости, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствующихъ о живучести и напряженности религіознаго чувства. Только въ новое время и только нѣкоторые люди, мнящіе себя быти мудрыми, поистинѣ, какъ сказалъ Апостолъ, *объюродьли* въ религіозномъ отношеніи. Отвергая единую истинную и спасительную религію христіанскую, одни изъ таковыхъ сами сочиняютъ себѣ вѣру, по своему усмотрѣнію, такъ какъ совсѣмъ безъ религіи обойтись все же не могутъ; другіе же, самые крайніе и озлобленные враги религіи, хотѣли бы совсѣмъ опростать душу свою отъ вѣры въ Бога. Но эти усилія всегда бываютъ болѣе или менѣе напрасными; въ большинствѣ случаевъ и самые, повидимому, убѣжденные атеисты только кажутся та-

---

[1]) Цитаты взяты изъ статьи свящ. І. Петропавловскаго. Душ. Чт. 1894 г. № 6.

кими и только силятся въ томъ обмануть себя и другихъ. Присутствіе въ душѣ ихъ неистребимаго религіознаго инстинкта сказывается въ ихъ дѣятельности, нерѣдко доброй, честной, правдивой, т. е. вытекающей изъ религіозныхъ чувствъ и началъ. Еще же любопытнѣе то, что самые отъявленные невѣры нерѣдко искренно проговариваются и исповѣдуютъ свое уваженіе къ религіи. Извѣстно напр. изреченіе всесвѣтно знаменитаго атеиста Вольтера, представляющее неожиданную въ его устахъ религіозную исповѣдь: „все получило свое существованіе отъ одного вѣчно существовавшаго бытія, которое есть Богъ“. Что могло быть злѣе Ренана, всю свою преступную жизнь посвятившаго усиліямъ уничтожить, подорвать христіанство, но тотъ же Ренанъ, въ самомъ святотатственномъ своемъ сочиненіи („Жизнь Іисуса“), очевидно противъ воли и намѣренія своего, повинуясь инстинктивно правдѣ и свѣту истины, между прочимъ воспѣлъ и патетическій гимнъ Христу, какъ недосягаемому, божественному идеалу, который вѣчно будетъ „краеугольнымъ камнемъ человѣчества“ [1]).

И въ настоящее время, большинство людей, удаляющихся отъ вѣры, однако инстинктивно ищутъ вѣры и стремятся къ Богу; по крайней мѣрѣ люди, злоупотребляющіе религіею и извращающіе смыслъ ея, такъ часто теперь заняты „исканіемъ религіи“. Только неутолимымъ религіознымъ голодомъ души человѣческой

---

[1]) См. слова Ренана, приведенныя въ брошюрѣ: „Счастіе человѣческое и его источники“, стр. 37.

БИБЛІОТЕКА ... АКАДЕМІИ

и можно объяснить успѣхъ въ наши дни разныхъ лжеученій, даже вздорныхъ, завиральныхъ вѣръ, лишь унижающихъ современнаго, просвѣщеннаго человѣка. Безотчетно, можетъ быть не сознательно, но и атеистъ, отвращаясь отъ Бога, тоскуетъ о Богѣ, потому что ощущаетъ въ душѣ своей пустоту, скуку, мрачное, безпомощное одиночество. Превосходно выразилъ такое тягостное, угнетенное состояніе души человѣческой, нуждающейся въ Богѣ, святый Псалмопѣвецъ: *истомилась душа моя непрестаннымъ желаніемъ познать суды Твои! Очи мои предваряютъ утреннюю стражу, чтобы углубляться въ слово Твое. И коль сладки языку моему слова Твои! — паче меда устамъ моимъ!* (Псал. 118, 148, 103).

Если вообще религія такъ необходима для человѣка, то уже этимъ однимъ доказана необходимость для человѣка именно христіанства, такъ какъ это — высочайшая, святѣйшая и единственно истинная, спасающая человѣка, божественная религія. Превосходство христіанства предъ всѣми другими вѣроисповѣданіями признано всѣми здравомыслящими людьми, даже не исповѣдующими христіанства и даже отрицающими вѣру вообще. Христіанство есть величайшее благодѣяніе міру, есть воистину совершеннѣйшій даръ, свыше исшедшій отъ Отца свѣтовъ. Открывая человѣку возможность вѣчнаго спасенія на небѣ, оно заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый, самый вѣрный и полный источникъ возможнаго блаженства и счастія человѣческаго и на землѣ.

Безъ сомнѣнія, истинное счастіе человѣка заключается въ полномъ удовлетвореніи чистыхъ стремленій и благородныхъ порывовъ человѣческаго духа. Христіанство, открытое Богомъ для души человѣческой и, такъ сказать, уготованное, приспособленное къ ея силамъ и дарованіямъ, и сообщаетъ возможно полное на землѣ раскрытіе этимъ силамъ, удовлетвореніе ихъ потребностямъ.

Такъ, прежде всего, въ душѣ человѣческой есть врожденное, неумолкаемое стремленіе къ знанію, къ истинѣ. Это—неискоренимая потребность, неугомонно толкающая мысль человѣка впередъ, къ пріобрѣтенію истины. Умъ человѣка ищетъ истину, жаждетъ обладанія ею и не можетъ успокоиться безъ нея. Что же можетъ утолить эту жажду, успокоить мятущійся умъ, что на землѣ даетъ истину? Правда, бываютъ умы талантливые и геніальные, одаренные необыкновенною зоркостью и проницательностію, выдающеюся силой мысли, умы, пролагающіе новые пути въ наукѣ, дѣлающіе открытія, расширяющіе сферу человѣческаго знанія. Но всѣ эти успѣхи человѣческаго ума касаются почти исключительно только міра внѣшняго, видимаго, жизни практической; во всемъ же превышемъ міра сего, въ области духовнаго бытія, умъ человѣка слишкомъ слабъ и безсиленъ. Если бы предъ человѣкомъ открылись сокровеннѣйшіе тайники природы, если бы всѣ законы жизни человѣка и души его постигнуты были и открылись предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ, и тогда осталось бы для человѣка невѣдомо са-

мое главное и самое нужное, любопытное — смыслъ жизни, назначеніе міра и человѣка и будущая судьба того и другого. Къ этимъ-то вопросамъ больше всего и стремится пытливость человѣческая, но ничто въ области временнаго и вещественнаго бытія не въ состояніи отвѣтить на нихъ. Самые свѣтлые и великіе умы человѣчества, затратившіе неимовѣрныя усилія на выясненіе этихъ истинъ, однако не открыли намъ ничего прочнаго, положительнаго и вполнѣ достовѣрнаго, на чемъ можно было бы успокоиться. Предоставленный своимъ собственнымъ средствамъ, умъ человѣческій вѣчно колеблется, изнемогаетъ и теряется въ сферахъ отвлеченнаго мышленія, постоянно разрушаетъ и отрицаетъ то, что самъ же строилъ и во что самъ вѣровалъ. Сколько было философовъ, которые еще при жизни своей отказывались отъ своихъ ученій! И притомъ, не найти и двухъ людей въ мірѣ, которые бы мыслили совершенно тождественно: сколько умовъ, столько же мнѣній, столько и системъ. Вслѣдствіе этого, вѣковѣчный вопросъ человѣчества, между прочимъ повторенный понтійскимъ Пилатомъ — что есть истина? — проходитъ чрезъ всѣ времена, занимаетъ и волнуетъ всѣ народы, не находя себѣ рѣшенія. Всю безпомощность человѣка самостоятельно рѣшить этотъ вопросъ и тѣмъ успокоить свою душу, удовлетворить неотразимой потребности ума, исповѣдалъ лучшій изъ язычниковъ Сократъ. Исходя въ своемъ размышленіи изъ незнанія себя и непониманія таинъ міра, онъ и въ результатѣ своего философствованія пришелъ къ тому же: „Я знаю только то, что ничего не знаю“.

Это признаніе, честно и простодушно высказанное великимъ человѣкомъ, нужно разсматривать, какъ голосъ тайнаго признанія и всякаго человѣка. Другой великій мудрецъ до-христіанскаго міра Платонъ, точно также всю жизнь проведшій въ исканіи истины, человѣкъ, совмѣщавшій въ себѣ всю мудрость современнаго ему человѣчества, еще прямѣе и рѣшительнѣе высказалъ свое убѣжденіе въ извѣстномъ афоризмѣ: „одинъ только Богъ можетъ научить насъ истинѣ“. Это — знаменательнѣйшее признаніе человѣка, который, еще не зная истиннаго Бога, дошелъ до несомнѣнной увѣренности, что Богъ долженъ быть и что только Онъ можетъ просвѣтить человѣка. Ту же мысль, только съ гораздо болѣе сознательнымъ убѣжденіемъ, повторилъ и пророкъ, воззвавшій къ вѣдомому ему Богу истинному: *во свѣтѣ Твоемъ—узримъ свѣтъ*!

Этотъ желанный и нетерпѣливо искомый человѣкомъ свѣтъ истиннаго знанія и явился людямъ въ христіанствѣ. *Азъ есмь свѣтъ міру*! *Азъ есмь истина*! сказалъ Спаситель. Въ своемъ божественномъ ученіи Онъ принесъ міру, дѣйствительно, полное освѣщеніе всѣхъ таинъ и рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, мучившихъ человѣческую пытливость, волновавшихъ человѣческое сознаніе. Христіанство повѣдало человѣку о происхожденіи міра, о цѣли жизни, о назначеніи человѣка, о таинствѣ смерти, о будущей судьбѣ человѣка; христіанство извело міръ изъ того невѣжественнаго состоянія, когда человѣкъ, потерявъ истиннаго Бога, въ поразительной дикости своей религіозной мыслилъ, что всѣ его и пороки, слабости, преступленія есть дѣло боговъ, что

онъ самъ даже можетъ дѣлать боговъ! Законъ Христовъ разрѣшилъ всѣ труднѣйшія противорѣчія въ жизни, устранилъ для человѣка всякія сомнѣнія, недоумѣнія и колебанія, освѣтилъ человѣку темные пути его жизни и тѣмъ направилъ его на путь добра, на борьбу со зломъ и грѣхомъ, для преодолѣнія мірскихъ искушеній, для возвышенія надъ всѣмъ тлѣннымъ, для выполненія истинныхъ задачъ жизни, для достиженія высшихъ цѣлей и назначенія человѣка.

Удовлетворяя насущной потребности человѣческаго духа въ знаніи, открывая человѣку спасительныя для него истины о Богѣ и человѣкѣ, христіанство, такимъ образомъ, открываетъ человѣку первый и неисчерпаемый источникъ для духовнаго удовлетворенія, для полноты счастія. Одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ искателей истины, святый Григорій Богословъ, такъ вдохновенно исповѣдуетъ счастье христіанина, углубляющагося въ богооткровенныя ему истины: „мое высшее счастіе—Христосъ! Онъ возноситъ непрестанно умъ мой горѣ. Одна слава на землѣ всегда привлекала меня: отличаться познаніями; надъ ними я трудился много и долго. Но всѣ знанія человѣческія, повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ, чтобы они покорились слову Великаго Бога, которое затмеваетъ собою всякое и самое хитрое, тонкое знаніе ума человѣческаго“ [1]). Точно также мы знаемъ св. Іустина философа, блаженныхъ Амвросія, Августина и многихъ другихъ мужей, великихъ въ наукахъ и сильныхъ въ знаніи зем-

[1]) Твор. св. Григорія Богослова, IV т., 280—282 стр.

ной мудрости, которые однако сознавали себя несчастными до тѣхъ поръ, пока не просвѣтились истиною Христовою и не возродились въ благодатныхъ таинствахъ церкви. Знаемъ мы святыхъ Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина и многихъ мужей, великихъ земною ученостію, которые однако все свое духовное богатство вѣнчали словомъ Господнимъ, и только во свѣтѣ Христовѣ обрѣли удовлетвореніе своей жаждѣ знанія. Итакъ, только божественная истина, противъ которой такъ преступно и святотатственно нерѣдко возстаетъ ослѣпленный человѣкъ, даетъ свѣтъ и жизнь душѣ человѣческой, даритъ человѣка полнотою духовнаго просвѣтленія, а стало быть и счастіемъ душевнаго покоя. „Исторгните солнце изъ міра, говоритъ нашъ глубокомысленный витія, митрополитъ Филаретъ, и что будетъ съ міромъ? Выньте сердце изъ тѣла, что будетъ съ тѣломъ? Исторгните истину Христову изъ человѣчества,—и съ нимъ будетъ тоже, что съ міромъ безъ солнца, съ тѣломъ безъ сердца“ [1]). Душевныя страданія людей отчаянныхъ, потерявшихъ вѣру и надежду на Бога, мученія, обнаруживающіяся въ такъ распространенныхъ теперь психическихъ болѣзняхъ, сумасшествіяхъ, самоубійствахъ, не служатъ ли, въ самомъ дѣлѣ, разительнымъ подтвержденіемъ только что приведенныхъ правдивыхъ словъ великаго нашего святителя?!

---

[1]) Слова митр. Филарета, въ „Прибавл. къ Твор. свв. Отецъ“ за 1855 г.

Но центромъ душевной жизни и преимущественнымъ носителемъ счастія, воспріемникомъ радостей для человѣка является не умъ, а сердце. Сердце—начало нравственныхъ дѣйствій человѣка, въ немъ коренятся и изъ него исходятъ всѣ склонности и страсти, которыя бываютъ причиною и счастья и несчастій человѣческихъ. По справедливому слову Евангелиста, изъ сердца человѣкъ износитъ въ жизнь добро или зло (Лук. 6, 45). Въ сердцѣ собственно весь человѣкъ обнаруживается; сердцемъ, а не умомъ мы сами измѣряемъ радости и горечи жизни. Человѣкъ можетъ быть покоенъ, доволенъ, самъ счастливъ въ жизни и пріятенъ, хорошъ для другихъ только тогда, когда онъ имѣетъ доброе, неиспорченное сердце. Уважая человѣка умнаго, мы однако болѣе расположены бываемъ и тяготѣемъ къ человѣку съ добрымъ сердцемъ, потому что въ сердцѣ, а не въ умѣ обитаютъ человѣчность, гуманность, теплота душевная, т. е. качества, всеоживляющія, согрѣвающія и всѣхъ къ себѣ влекущія. Недаромъ съ послѣднимъ ударомъ сердца прекращается жизнь человѣка: очевидно, въ немъ дыханіе человѣческой жизни, оно — центръ и, такъ сказать, суть человѣческаго существа.

Паденіе человѣка главнымъ образомъ отразилось на сердцѣ его; оно стало доступно нечистымъ чувствованіямъ, порочнымъ склонностямъ и страстямъ. Уже въ первой священной книгѣ—Бытія записано правдивое, но безотрадное наблюденіе, что человѣку отъ юности его прилежитъ помышленіе *на злая*, что всякъ

помышляетъ въ сердцѣ своемъ прилежно на злая по вся дни (Быт. 8, 29; 6, 5). И въ Евангеліи потомъ повторено: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, сквернящая человѣка* (Матѳ. 15, 19—20). И дѣйствительно, сплошь и рядомъ приходится наблюдать въ жизни, что даже и высокое образованіе ума не въ состояніи бываетъ обуздать злыхъ вожделѣній сердца, что люди высокообразованные нерѣдко міръ изумляютъ своими безчестными поступками. Такимъ образомъ, для нравственной устойчивости и духовной, такъ сказать, цѣлостности человѣка, а слѣдовательно и вообще для счастія въ жизни, еще главнѣе просвѣщеннаго ума нужно человѣку доброе, чистое сердце.

Религія Христова и объемлетъ своими благодатными воздѣйствіями главнымъ образомъ человѣческое сердце. Послѣднее является въ человѣкѣ вмѣстилищемъ, обителію религіи, или, какъ сказалъ Апостолъ, *органомъ вѣры* (Римл. 10, 10); по слову Писанія, Богъ и требуетъ отъ человѣка прежде всего сердце его: *сынъ мой, отдай мнѣ сердце твое* (Притч. 23, 26), — такъ какъ, вслѣдствіе испорченности грѣховной, человѣкъ, по слову Спасителя, безъ Бога не можетъ творить ничего добраго (Іоан. 15, 5). И только христіанство, возстановляя первозданную чистоту въ человѣческомъ сердцѣ, тѣмъ самымъ дѣлаетъ человѣка *совершенна и на всякое благое дѣло уготована* (2 Тимоѳ. 3, 17); содѣйствіемъ благодати божественной и преданностію волѣ Провидѣнія, христіанскимъ просвѣщеніемъ и образованіемъ, человѣкъ дѣлается благимъ и кроткимъ, человѣчнымъ и гуманнымъ, становится добрымъ

и полезнымъ для другихъ, а стало быть счастливымъ и для себя самого. Отвлекая человѣка отъ всего недостойнаго, пошлаго и низкаго, тлѣннаго и эгоистичнаго, отъ всего, что только изсушаетъ и опустошаетъ душу, христіанство наполняетъ сердце человѣческое своимъ святымъ содержаніемъ. Въ ученіи христіанскомъ душа человѣка воспринимаетъ ту утраченную чистоту и святость, которыя прирождены были человѣческому сердцу, созданному, безъ сомнѣнія, *на дѣянія* только *благая*: *близокъ сердцу человѣческому*, говоритъ Апостолъ, *глаголъ вѣры, его же проповѣдуемъ* (Римл. 10, 8).

Объемля и проникая собою человѣческое сердце, христіанство воспитываетъ въ немъ чистую, высокую, святую любовь. Любовь—это высшая святыня сердца, верховная добродѣтель человѣка; по слову апостола, она выше всѣхъ даровъ, данныхъ Богомъ человѣку, выше даже дара слова, выше чуда, выше всѣхъ жертвъ, она—*союзъ совершенствъ* (1 Кор. 13, 1–3; Кол. 3, 14). Какъ кристаллъ, она, говоритъ апостолъ, отражаетъ въ себѣ всѣ лучи добродѣтелей: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ* (1 Кор. 13, 4–7). Въ любви указанъ человѣку идеалъ безконечнаго нравственнаго совершенства и полная мѣра для его духовнаго возрастанія. Любовь есть чудодѣйственная, небесная, воистину божеская сила, созидающая нравственную дѣятельность; любовь есть основа самой нравственности, начало всѣхъ подвиговъ и идеа-

ловъ добра. Все въ жизни человѣка лучшее и благородное, все высшее и идеальное исходитъ изъ любви; нельзя и представить себѣ ни одного добраго дѣла, которое бы не вытекало изъ любви, какъ наоборотъ, всякій злой поступокъ и помыселъ раждаются эгоизмомъ, этой противоположностью любви. Поэтому мѣра и степень любви въ человѣкѣ, по слову возлюбленнаго ученика Господня, есть знаменіе того, находится ли онъ *въ свѣтѣ и истинѣ*, или пребываетъ *во тьмѣ и лжи*. Даже истина и правда безъ любви холодны, бездушны, безотрадны. Одна любовь влечетъ всѣхъ къ себѣ, всѣхъ сближаетъ, объединяетъ, счастливитъ, всѣмъ дѣйствіямъ и отношеніямъ людскимъ сообщаетъ искренность, теплоту, жизнь. Только одна любовь противодѣйствуетъ грубому владычеству гибельнаго въ общежитіи холоднаго себялюбія; только любовь заставляетъ человѣка *радоватися съ радующимися, плакать съ плачущими* (Рим. 12, 15), и тѣмъ безмѣрно возвышаетъ радости и облегчаетъ горести людскія. Только любовь питаетъ голодныхъ, прикрываетъ наготу неимущихъ, успокоиваетъ бѣдняка, воспитываетъ сироту, утѣшаетъ и облегчаетъ муку страждущаго, предохраняетъ и поддерживаетъ отъ паденія колеблющихся, примиряетъ тайную и явную вражду, предупреждаетъ тысячи всяческихъ бѣдствій и несчастій. Только „въ совѣтѣ да въ любви“ человѣку живется хорошо, легко, счастливо; только любовь дѣлаетъ человѣка счастливымъ и въ пустынѣ, и подъ холоднымъ небомъ, и при недостаткахъ скудости, и при лишеніяхъ бѣдности, и въ страданіяхъ болѣзни, и въ низ-

кой долѣ неизвѣстности. Любовью зараждается и держится семья; любовью и согласіемъ процвѣтаетъ всякое общество и товарищество, на любви зиждется лучшее украшеніе жизни—дружба.

Насаждая, такимъ образомъ, все доброе, святое, нравственное, все отрадное и успокоительное въ жизни человѣческой, любовь есть основа счастія и блага человѣческаго, какъ съ другой стороны отсутствіе, недостатокъ любви въ сердцѣ человѣческомъ есть величайшее несчастіе, унижающее человѣка и уничтожающее всякую цѣну всѣхъ его прочихъ дарованій. По слову апостола, человѣкъ — будь онъ геній, изучившій всѣ языки и науки, будь величайшій труженикъ—*аще любви не имать, ничтоже есть* (1 Кор. 13, 1–3).

И эта-то величайшая и всемогущая сила человѣка, любовь, есть краеугольный камень христіанства, его основная и главная заповѣдь. Еще великій изъ язычниковъ Цицеронъ сказалъ: „между людьми нѣтъ ничего такого, что бы покоряло людей, укрощало злобу враговъ, побѣждало страсти, обуздывало гнѣвъ и пр. Я признаю это дѣло невозможнымъ для людей, и человѣка, который бы совершилъ все это, я уже не причислю къ великимъ людямъ, а назову самимъ Богомъ“. Все это великое, для людей невозможное, дѣйствительно и совершилъ самъ истинный Богъ, Господь Іисусъ Христосъ, принесши въ нашъ извращенный, эгоистическій міръ небесный законъ любви. Самъ Онъ, Спаситель нашъ, есть идеальное воплощеніе высочайшей и святѣйшей любви; самъ Онъ есть любовь безпредѣльная, въ крестныхъ мукахъ молившаяся за сво-

ихъ распинателей, любовь всепрощающая, положившая жизнь свою за грѣшный міръ человѣческій, любовь всеобъемлющая и безграничная, внемлющая всѣмъ и затаеннымъ нашимъ стонамъ, каждому молитвенному вздоху души христіанской. И въ исповѣдниковъ своихъ Господь вдохнулъ благодатную силу любви, изумившую и покорившую міръ: *любы Божія изліялся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ чрезъ Іисуса Христа*, говоритъ св. Апостолъ (Рим. 5, 15). Любовь явилась душою христіанства и жизни христіанской, потому что весь законъ Христовъ, въ одномъ словѣ—*люби* (Гал. 4, 14). Любовь соединяетъ насъ съ идеаломъ любви, самимъ Богомъ, такъ какъ первая заповѣдь христіанства — *возлюбиши Господа Бога твоего*; она же связываетъ и все человѣчество таинственными узами въ одно нераздѣльное, родное братство, такъ какъ—*возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе* есть вторая и послѣдняя великая заповѣдь христіанства.

Къ величайшему прискорбію приходится сознаться, что въ наше время, по пророческому слову Спасителя, *за умноженіе беззаконій*, любовь начинаетъ изсякать въ человѣческомъ обществѣ.... И гибельныя слѣдствія этого убыванія любви слишкомъ очевидны: все горе, томленіе человѣка, всѣ одиночныя наши страданія и общественныя бѣды и тяготы суть результатъ недостатка любви въ людяхъ. Не вытѣсняетъ ли теперь любовь христіанскую ненависть въ различныхъ ея видахъ? Не поднимаетъ ли властно свою голову старый, языческій эгоизмъ въ отношеніяхъ людскихъ? Не воцаряется ли на землѣ вмѣсто закона любви законъ

„борьбы за существованіе“, т. е. насилія, этотъ страшный законъ, подвергающій участь человѣка всѣмъ ужасамъ одиночества и беззащитности? Теперь поэтому больше чѣмъ когда-либо человѣкъ долженъ обращать взоръ свой на Богомъ дарованный неисчерпаемый источникъ столь необходимой въ жизни любви—на христіанство. Человѣкъ, проникшійся благодатными началами и идеалами христіанскими, предавшійся Христу и возлюбившій Его, не можетъ не любить людей и всего міра Божія; а эта любовь его побѣдитъ всякую злобу, всякое возстаніе на него, обезоружитъ враговъ его и обезпечитъ общій покой и счастіе. Возвышающаяся надъ всѣмъ въ душѣ истиннаго христіанина любовь ко Христу дастъ и всѣмъ чистымъ человѣческимъ его привязанностямъ крѣпчайшую опору, жизненное начало, благодатное освященіе; христіанинъ внесетъ сердце, наполненное Христомъ, во всѣ свои человѣческія — семейныя, общественныя, дружескія и братскія — отношенія. А гдѣ Христосъ — тамъ одно только полное благо, одно только ничѣмъ неомрачаемое счастіе. Только человѣкъ долженъ довѣриться и предаться Христу всецѣло, беззавѣтно и безпредѣльно, возлюбить Его всѣмъ своимъ помышленіемъ, всею душою своею, такъ какъ Христосъ нисходитъ лишь въ отверзтыя для Него сердца; Христосъ и дорогъ, и можетъ быть понятенъ только любящему, преданному сердцу, а не холодному, гордому, фарисейскому уму. На любовь человѣка къ Богу отзовется любовь божественная и осѣнитъ она христіанина своимъ покровомъ, даруетъ миръ и счастіе его душѣ. Даже если бы

и продолжались земныя неудачи и житейскія бѣдствія для человѣка, онъ пребудетъ твердъ и неуязвимъ: и во мракѣ горестей, въ пучинѣ бѣдствій, сердце его будетъ согрѣто отъ внутренняго благодатнаго свѣта и тепла. Любовь разсѣетъ тучи, скопившіяся надъ его головой, и если не въ житейской обстановкѣ, то въ нравственномъ существѣ своемъ онъ будетъ и свѣтелъ, и покоенъ, и счастливъ: по слову Апостола, ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ, ни нагота, ни бѣда, ни мечъ, ни смерть—ничто не въ состояніи разлучить истиннаго христіанина отъ любви Божіей (Рим. 8, 35–39).

Есть въ душѣ нашей еще способность, имѣющая громаднѣйшее значеніе въ духовной жизни человѣка и самымъ роковымъ образомъ вліяющая на его миръ, спокойствіе и счастіе, это совѣсть. Еще язычникъ Сенека сказалъ, что „совѣсть есть Богъ въ насъ самихъ“. Дѣйствительно, совѣсть есть какъ бы голосъ Бога въ человѣкѣ, неумолчный, нелицепріятный, неподкупный; это стражъ и хранитель нашей нравственности, законодатель и руководитель нашихъ поступковъ, это безпристрастное и непреклонное судилище, воздвигнутое Творцемъ въ душѣ нашей, которое безмолвно, но непрестанно напоминаетъ намъ о долгѣ, о нашихъ нравственныхъ обязанностяхъ, требуетъ отъ насъ честности, искренности, правдивости, управляетъ насъ къ нравственному совершенству, ведетъ къ святости. Совѣсть полагаетъ свои награды и наказанія, т. е. наполняетъ душу спокойствіемъ и радостію, или терзаетъ ее смятеніемъ, тоскою. Судъ совѣсти неумо-

лимый и непреклонный, такъ что человѣкъ, обвиненный своею совѣстію, не находитъ себѣ ни въ чемъ защиты, извиненія и прощенія, и носитъ въ себѣ муку, которая одна можетъ отравить все его существованіе, можетъ даже казнить его, довести до смерти. Отъ страшнаго суда совѣсти человѣку нѣтъ нигдѣ спасенія: отъ совѣсти человѣкъ никакъ не скроется, никуда не убѣжитъ, — она всегда, всюду и вездѣ съ нимъ и въ немъ. Каинъ, совершившій братоубійство и обвиненный совѣстію своею, не находилъ себѣ мѣста, признавъ себя недостойнымъ прощенія и впалъ въ отчаяніе (Быт. 4, 13). Іуда Искаріотскій, совершившій гнусное предательство, бросилъ и сребренники, которые соблазнили его на преступное дѣло, и въ отчаяніи *шедъ удавися*.

Этотъ грозный, страшный судія необходимъ человѣку; онъ-то и бережетъ человѣка въ правдѣ, истинѣ, чистотѣ и непорочности; онъ-то и отстаиваетъ и защищаетъ нравственное достоинство человѣка. Чѣмъ болѣе развита совѣсть, тѣмъ чище, святѣе дѣятельность человѣка, тѣмъ онъ лучше, совершеннѣе; напротивъ, чѣмъ слабѣе развита совѣсть, тѣмъ ближе человѣкъ къ нравственному паденію, къ духовной гибели. Конечно, человѣкъ можетъ насиловать совѣсть, не слушать ея; но она всегда на сторонѣ добра, всегда противъ зла, она никогда не станетъ оправдывать неправду, извинять обиду, что возможно напримѣръ для ослѣпленнаго страстію разсудка человѣческаго. Такимъ образомъ, въ нравственной жизни человѣка совѣсть имѣетъ громаднѣйшее значеніе, и потому-то совершенно справедливо и мудро святая церковь въ одномъ изъ сво-

ихъ пѣснопѣній говоритъ, что нѣтъ въ мірѣ ничего нужнѣе человѣку, какъ совѣсть.

Но какъ вообще все чистое и святое въ человѣкѣ, и совѣсть можетъ быть извращена и не исполнять подлежащимъ образомъ своего высокаго назначенія. Не рѣдкость въ людяхъ совѣсть, извращенная временными модными взглядами, мнѣніями; въ исторіи человѣчества нѣтъ преступленія, нѣтъ порока, съ которымъ не мирилось бы общественное мнѣніе и, въ зависимости отъ того, общественная совѣсть. Вѣдь, напримѣръ, дикари, убивающіе престарѣлыхъ родителей своихъ, считаютъ же это дѣломъ добрымъ, и совѣсть ихъ уже не протествуетъ противъ того; также во дни развращенія общественнаго совѣсть нерѣдко уже не въ состояніи бываетъ остановить хищничества, распутства, убійствъ, поединковъ и т. п. Подавленная мракомъ сплошной грѣховности, ослабленная порочностью воли, *проданной подъ грѣхъ*, и *совѣсть* является, по слову апостола, уже *немощною* (1 Кор. 8, 7) и даже *сожженною* (1 Тимоф. 4, 2), т. е. совсѣмъ подавленною, какъ бы уничтоженною. Словомъ, предоставленная себѣ самой, безъ какой либо особенной верховной поддержки, и совѣсть является стражемъ добра слабымъ и руководителемъ человѣка въ его нравственной дѣятельности ненадежнымъ.

Въ чемъ же сила и крѣпость совѣсти, гдѣ ея опора и утвержденіе?—Въ Богѣ истинномъ и въ Его святомъ ученіи. Никто и ничто такъ не просвѣщаетъ и не подкрѣпляетъ совѣсти, какъ единая, истинная вѣра Христова. Она сообщаетъ намъ силу, исполнять свои обя-

занности и „долгѝ наша“ честно, не страха ради человѣческаго, не изъ выгодъ и разсчетовъ земныхъ, а изъ за одной своей именно совѣстливости христіанской. Особенно въ первые вѣка христіанства, въ обществѣ вѣрующихъ царила такая чистота и правда, что напримѣръ Тертулліанъ, предъ лицемъ цѣлаго сената римскаго могъ заявить: „всѣ темницы ваши переполнены преступниками, но укажите между ними хоть одного христіанина!“ Безъ сомнѣнія, законъ совѣсти начертанъ Творцемъ въ душѣ человѣческой, такъ что и язычники, не знающіе закона, *естествомъ законная творятъ, сослушествующей имъ совѣсти* (Рим. 2, 14—15). Но христіанство освѣщаетъ и укрѣпляетъ естественную совѣсть человѣческую, придаетъ суду ея высшую санкцію, священнный авторитетъ. Только въ убѣжденіи, что совѣсть человѣка имѣетъ началомъ ученіе божественное, волю самого Бога, человѣкъ получаетъ основаніе требованія своей совѣсти считать для себя непреложными и необходимыми. На эту тѣсную зависимость совѣсти человѣческой отъ религіи Христовой и указываетъ апостолъ Павелъ, обращаясь къ своему ученику Тимоѳею,—который, по слову апостола, *имѣетъ вѣру и благу совѣсть, юже нѣціи отринувше, отъ вѣры отпадоша* (Тимоѳ. 1, 18). Тутъ же, далѣе, святый Апостолъ называетъ совѣсть даже именно хранительницею вѣры: *таинство вѣры въ чистой совѣсти* (3, 9).

Такимъ образомъ, между совѣстью христіанина и религіею христіанскою существуетъ тѣсная связь и близкое соотношеніе: совѣсть внушаетъ намъ то, что требуется отъ насъ и христіанствомъ. Отсюда глубоко

несчастливъ человѣкъ, находящійся во враждѣ со Христомъ, а значитъ и съ своею совѣстью: никакія внѣшнія средства и развлеченія не избавятъ его отъ внутренняго червя, гложащаго его сердце; никакія блага и удовольствія міра не заглушатъ его томительной тоски, хотя бы все вокругъ него дышало жизнью и веселіемъ. Зато поистинѣ блаженно состояніе человѣка, живущаго по вѣрѣ святой, въ согласіи съ ученіемъ Христа и поэтому не знающаго угрызеній совѣсти. Если испытующая любовь Отца Небеснаго попускаетъ на такого человѣка какое либо горе, бѣдствіе, онъ и тогда остается счастливъ миромъ своей души и блаженствомъ спокойной, умиротворенной своей христіанской совѣсти. Въ этой твердости духа—высокое преимущество счастія чистой совѣсти надъ всѣми другими видами счастія. *Нѣтъ веселія паче радости сердечныя*, говоритъ Премудрый (Сир. 30, 16), какъ, съ другой стороны, *нѣсть радоватися нечестивому*, сказалъ пророкъ Исаія (48 22). „Ни величіе власти, говоритъ Златоустъ, ни множество денегъ, ни могущество, ни крѣпость тѣла, ни роскошь, пышность, ни прочія человѣческія преимущества не доставятъ полнаго счастія и благодушія: бываетъ это плодомъ только доброй совѣсти“ [1]).

Христіанство даритъ человѣка счастіемъ спокойствія совѣсти тѣмъ болѣе потому еще, что открываетъ человѣку благодатныя силы и таинственныя средства, исцѣляющія и очищающія больную, запятнанную грѣ-

---

[1]) Бесѣды на 1 посл. ап. Павла къ Тимоѳею.

хами совѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ земнымъ можно сравнить тотъ рай души человѣческой, тѣ высокія минуты священной тишины и радостнаго умиленія въ сердцѣ христіанина, когда онъ, въ таинствѣ покаянія очистивъ свою совѣсть, чрезъ таинство причащенія входитъ въ блаженное общеніе съ самимъ Господомъ своимъ и Спасителемъ?! Развѣ нельзя сравнить полноту его счастья съ тѣмъ состояніемъ невиннаго младенца, когда послѣдній бросается въ объятія своей матери и когда онъ сіяетъ блаженствомъ, когда самъ онъ весь—радость!

Полнотою благодатныхъ силъ и средствъ, освящающихъ и очищающихъ душу, христіанство ведетъ человѣка къ нравственному совершенству, къ добродѣтели, къ святости. Нравственный подъемъ падшаго человѣка, духовное возрожденіе его и есть промыслительная цѣль христіанства на землѣ. Оно воспитываетъ въ человѣкѣ благочестіе, которое не только необходимо для спасенія въ будущей, вѣчной жизни, но *на все полезно есть*, полезно и въ настоящей жизни человѣка, какъ необходимое условіе земного человѣческаго счастія. Согласная съ волею Божіею и угодная Богу, нравственная жизнь награждаетъ человѣка счастіемъ душевнаго мира и покоя: *возьмите иго Мое на себе*, призываетъ Господь: *и обрящете покой душамъ вашимъ. Пріидите ко Мнѣ* (чрезъ исполненіе заповѣдей) *и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28–29). Уже одна увѣренность въ благоволеніи Бога, для вѣрующаго человѣка является источникомъ

невыразимо сладостнаго чувства и самаго отраднаго утѣшенія; не даромъ и Псалмопѣвецъ славословитъ счастіе людей благочестивыхъ: *миръ многъ любящимъ законъ твой, Господи; аки рѣка миръ ихъ* (Пс. 118, 165). Но благочестивая жизнь даритъ христіанина и болѣе очевидными, такъ сказать, осязательными благами: она не допускаетъ страстей, зла, тяжкихъ грѣховъ, — а вѣдь все это и есть страданіе души, бичъ нашего и духа и тѣла, источникъ болѣзней и несчастій: *скорбь и тѣснота*, по слову Апостола, суть удѣлъ всякой души, *дѣлающей злое* (Рим. 2, 9). Нечестивый, безнравственный человѣкъ вѣчно бываетъ недоволенъ ничѣмъ, вѣчно алчетъ удовлетворенія своихъ страстей; онъ ищетъ утѣхъ, развлеченій, чтобы въ нихъ потопить скорбь своей души, заглушить голосъ своей совѣсти. И только благочестивый человѣкъ находитъ счастье въ себѣ самомъ; онъ бѣгаетъ разсѣянія, чтобы наслаждаться внутреннимъ миромъ своей души. Такой человѣкъ счастливъ даже и среди несчастій, потому что покой, благодушіе и радость почіютъ въ сердцѣ его. Апостолъ Павелъ и въ темницѣ, въ узахъ пѣлъ въ восторгѣ духа, а нечестивый гонитель христіанъ Неронъ и на величіи престола царскаго трепеталъ и терзался отъ мученій своей совѣсти, отъ недовольства всѣмъ и собою.

Правда, съ точки зрѣнія мірской, строго-нравственная жизнь представляется тяжелою, скучною; а между тѣмъ, несомнѣно, истинному и всецѣло вѣрующему христіанину такая-то именно жизнь и даруетъ счастіе и радость. Жизнь благочестивая, дѣйствительно, стѣс-

няетъ,—но не душу, а страсти, губящія душу, подавляетъ не сердце человѣка, а пороки, калѣчащіе сердце; она борется съ злыми, грѣховными влеченіями человѣка, а душѣ даетъ свободу и широту, что такъ мудро и прекрасно высказалъ царь Давидъ: *хождахъ въ широтѣ, яко заповѣди Твоя взыскахъ* (Псал. 118, 45). Тоже подтверждаетъ и апостолъ Павелъ, говоря: *идѣже Духъ Господень, ту и свобода* (2 Кор. 111, 17).

Необходимое условіе радостей и счастья для человѣческой души, нравственная, благочестивая жизнь христіанина, какъ извѣстно, въ высшей степени благодѣтельно вліяетъ и на физическое здоровье и благосостояніе человѣка. Искореняя страсти, больше всего подтачивающія и разстраивающія здоровье, благочестіе христіанское располагаетъ къ умѣренности, предохраняетъ отъ излишествъ, злоупотребленій и тѣмъ соблюдаетъ крѣпость тѣлеснаго организма человѣческаго. Не даромъ великіе подвижники христіанства, обитавшіе, по слову Апостола, въ горахъ, вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ (Евр. 11, 38), т. е. жившіе въ самыхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ и притомъ измождавшіе себя постомъ и подвигами, обладали бодрымъ здоровьемъ и достигали долголѣтія. Напримѣръ, Антоній Великій пробылъ 20 лѣтъ въ башнѣ, безъ воздуха, безъ движенія, вкушалъ пищу не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, и когда онъ вышелъ изъ затвора, то удивилъ всѣхъ своимъ свѣтлымъ, бодрымъ, безболѣзненнымъ видомъ. Святые Иларіонъ Великій, Симеонъ Дивногорецъ, Паисій Великій, Савва, Оръ, Іоаннъ Постникъ и мн. др. вкушали пищу только разъ или два въ не-

дѣлю; святые Симеонъ Столпникъ, Ѳеодосій Великій, Макарій Египетскій, Маркъ Ѳракійскій, Аѳанасій Аѳонскій, Марія Египетская, Даніилъ Столпникъ и др., при чрезвычайныхъ молитвенныхъ подвигахъ, въ теченіе всей святой четыредесятницы вовсе не вкушали пищи. Св. Петръ Аѳонскій, Виссаріонъ, Симеонъ Юродивый во всю свою подвижническую жизнь принимали пищу только однажды въ двѣ или даже въ шесть недѣль. Притомъ, питались эти святые люди исключительно хлѣбомъ да огородными овощами, а нѣкоторые изъ нихъ одной только просфорою; жили они, часто, въ столпахъ, на столпахъ, въ крохотныхъ подземныхъ пещерахъ и т. п.; подвизались они въ непрестанной молитвѣ, съ тысячами поклоновъ, молились цѣлыя ночи, колѣнопреклоненно, часто становясь на камни; днемъ, сверхъ того, они занимались тяжелой работою, спали часъ-два въ сутки, на голой землѣ, а иные вовсе не ложились, а только дремали сидя, и т. д. И всѣ эти безмолвные подвиги, неизмѣримо болѣе величавые въ сравненіи съ какими нибудь напр. интересующими современный міръ „опытами“ Таннера, не причиняли ни малѣйшаго вреда ихъ здоровью: они не знали болѣзней, всегда были бодры духомъ и тѣломъ, и Господь награждалъ ихъ благочестіе великимъ долголѣтіемъ. Напримѣръ: Симеонъ Столпникъ, въ теченіе восьмидесяти лѣтъ подвизавшійся на столпѣ, жилъ 103 года, Киріакъ Отшельникъ 109 лѣтъ, Алипій Столпникъ 118 лѣтъ, Іоаннъ Молчальникъ 104 года, Антоній и Ѳеодосій Великіе по 105 лѣтъ, Павелъ Ѳивейскій 113 л., нашъ Павелъ Комельскій 112 л., Маркъ Ѳивейскій подви-

зался только въ пустынѣ 95 л., сверхъ того, что прожилъ въ мірѣ, и т. д.

Да и теперь не въ міру, а въ монастыряхъ, въ средѣ настоящихъ подвижниковъ, можно чаще встрѣтить глубокую и бодрую, цвѣтущую и благолѣпную старость. Г. Православный въ своемъ „Дневникѣ“ разсказываетъ: недавно въ Троицкой Лаврѣ умеръ простецъ-старецъ, который всю жизнь проводилъ въ церкви; съ 2 часовъ утра онъ стоялъ утреню, потомъ раннюю обѣдню, потомъ, отдохнувъ въ притворѣ церковномъ, стоялъ позднюю обѣдню, и, только по окончаніи оной, послѣднимъ выходилъ изъ храма. Онъ шелъ „домой“, т. е. въ богадѣльню, гдѣ ему былъ отведенъ уголокъ; но чрезъ какіе нибудь 2—3 часа онъ первый же приходилъ къ вечернѣ; послѣ нея стоялъ всенощную, потомъ монашеское правило. Спалъ онъ, такимъ образомъ, очень мало, питался только кускомъ хлѣба и ковшомъ квасу въ день; послѣднія лѣтъ сорокъ жизни своей носилъ на себѣ тяжелыя вериги, и —умеръ онъ ста четырехъ лѣтъ.... Откуда могъ почерпать силы въ своей подвижнической жизни этотъ, на видъ хилый, маленькій старичекъ? Не одинъ-ли только Господь блюлъ жизнь и здоровье его, какъ блюдетъ Онъ и всѣхъ таковыхъ! Поистинѣ, святая, благочестивая жизнь низводитъ на человѣка благодать Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую!

Конечно, требованія нравственнаго закона начертаны отъ природы въ сердцѣ человѣческомъ; стремленіе къ благочестію и добродѣтели, поэтому, свойственно и людямъ, стоящимъ внѣ христіанства. Но

однако, вслѣдствіе грѣхопаденія и искаженія нравственной натуры человѣка, естественныя силы человѣка оказались слишкомъ недостаточными. Естественная нравственность смогла отстоять въ мірѣ только нѣкоторыя добродѣтели, удержать человѣчество только отъ нѣкоторыхъ пороковъ и побудить къ исполненію только нѣкоторыхъ обязанностей. Сколько было въ семьѣ человѣчества великихъ ученыхъ, философовъ, поэтовъ, ораторовъ, но не могли же они остановить постепенно разливавшійся по землѣ потокъ зла; пороки, суевѣрія и преступленія только все усиливались, больше и больше распространялись; люди, совсѣмъ теряя остатки истиннаго боговѣдѣнія, не только не дѣлались ни добрѣе, ни счастливѣе, но все прогрессивно погружались въ мракъ нравственнаго растлѣнія. Мудрость языческая не въ состояніи была поднять нравственности; свѣтъ наукъ былъ холоденъ, не приносилъ съ собою жизни и не производилъ никакой перемѣны даже въ тѣхъ, кого убѣждалъ. Поэтому, какихъ безчинствъ, безчеловѣчныхъ дѣяній, варварскихъ обычаевъ не открываетъ намъ языческій міръ! Какое отвратительное звѣрство допускалось тамъ, напримѣръ, на играхъ и зрѣлищахъ народныхъ! Какихъ жестокостей и безчеловѣчія не было даже въ самыхъ законахъ ихъ, напримѣръ, въ отношеніи къ беззащитнымъ рабамъ, и т. п.!

Чтобы поднять нравственный уровень человѣчества, нужно было исцѣлить и оживотворить духъ человѣческій, нужно было открыть закрытый грѣхомъ источникъ живого богообщенія. Это чудодѣйственное обновленіе міра нравственнаго, перерожденіе и возсо-

зданіе человѣчества и совершилось въ христіанствѣ. Тотъ же слабый и порочный человѣкъ въ христіанствѣ сталъ какъ бы инымъ, преобразившимся и выросшимъ духовно. Какъ совокупность сверхъестественныхъ средствъ, врачующихъ нравственныя язвы человѣка, христіанство освѣтило и облагородило естественную человѣческую нравственность, увеличило въ глазахъ всего міра красоту благочестія, расположило человѣка къ добродѣтели; оно не только обезоружило злого человѣка, къ чему стремился и что только могъ сдѣлать прежній законъ, а очистило сердце порочное, поразило злодѣйство въ злодѣ; не грозою внѣшней кары предупреждало оно безнравственные поступки, но самого человѣка удерживало и отвращало отъ нихъ. Оно внесло въ жизнь невѣдомыя дотолѣ міру начала— самоограниченія, вѣрующей покорности Богу, доброты и кротости въ отношеніи къ ближнимъ; оно примирило неравенства, сдержало эгоизмъ, обуздало страсти, вооружило человѣка терпѣніемъ въ бѣдствіяхъ, расположило его къ добровольному и доброхотному исполненію обязанностей, укрѣпило волю человѣческую въ дѣланіи добра. Оно безсердечнаго сребролюбца Закхея побудило раздать имѣніе нищимъ и каждому обиженному имъ заплатить четверицею; оно жену блудницу заставило слезами омывать ноги Учителя въ раскаяніи о своихъ грѣхахъ; оно разбойника, осужденнаго и распятаго за злодѣйства, *о единомъ часть равви сподобило;* оно Савла, жесточайшаго гонителя и мучителя христіанъ, превратило въ первоверховнаго и святѣйшаго апостола, и т. д. и т. д. Да впрочемъ можно ли

и нужно ли перечислять эти чудеса въ мірѣ, совершенныя божественною силою христіанства, когда благодатное и чудодѣйственное вліяніе его на міръ и человѣка свидѣтельствуется не частными фактами, а многовѣковымъ опытомъ всемірной исторіи! Если въ человѣчествѣ обнаружился приливъ нравственныхъ силъ и развитіе духовности, если поднялся въ человѣкѣ нравственный уровень чувствъ, стремленій и идеаловъ, если остановился въ своемъ прогрессивномъ и побѣдномъ шествіи эгоизмъ и себялюбіе, если обнаружилась въ человѣкѣ способность любви къ другимъ и самоотверженія, если расширилась для человѣка область нравственныхъ страданій и вмѣстѣ съ тѣмъ способность къ счастію душевнаго мира, чуткость ко внушеніямъ совѣсти, — то всѣмъ этимъ просвѣщеніемъ духовнымъ человѣчество обязано благодатному дѣйствію христіанства. Только оно смогло подъять человѣка надъ самимъ собою, надъ суетною земною жизнью съ ея низкими и ограниченными горизонтами; только оно въ состояніи было удержать человѣка на нравственной покатости и остановить незамѣтное сползаніе, по которому родъ человѣческій безпрестанно и всей своей тяжестію двигался на самое дно нравственной пропасти. До какого бы нравственнаго растлѣнія не дошелъ человѣкъ, при помощи вѣры Христовой и благодатныхъ средствъ, составляющихъ ея неотъемлемую и исключительную принадлежность, онъ снова всегда можетъ подняться до высоты совершенства, какъ это мы и знаемъ изъ жизненнаго опыта многихъ подвижниковъ христіанскихъ. Обычная жизнь земная можетъ

на каждомъ шагу портить и калѣчить человѣка, развивать въ немъ слабости, пороки, вести его къ паденію; и только вѣра Христова даруетъ человѣку самое надежное средство къ возстанію, такъ какъ только она располагаетъ и научаетъ человѣка находить отраду и утѣшеніе въ искреннемъ раскаяніи, она только можетъ зажигать душу человѣка пламеннымъ желаніемъ нравственнаго обновленія, самоочищенія, наполнять сердце его неукротимою жаждой спасенія.

Благодѣтельное и животворное вліяніе христіанства не ограничилось возсозданіемъ нравственной личности человѣка, оно обнаружилось и на всемъ строѣ взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Не проповѣдуя никакой соціальной системы, не рѣшая никакихъ политическихъ вопросовъ, христіанство преобразовало и благоустроило самыя начала и основы жизни христіанскихъ обществъ, жизни семейной, общественной и общенародной. Возвышая христіанъ надъ всѣмъ суетнымъ, тлѣннымъ, надъ всѣми условными и временными формами человѣческой жизни, христіанство сообщило однако и всѣмъ этимъ формамъ тѣ нравственныя основы, на которыхъ онѣ могутъ совершать свой правильный ростъ и развитіе. Вся гражданская и государственная жизнь христіанскихъ народовъ развилась изъ евангельскихъ началъ нравственной свободы и равноправности, взаимной любви и не знающей различія въ людяхъ справедливости. Умѣривши развитіе эгоизма и животности, заклеймивши именемъ грѣха и позора зависть, ненависть, ярость, распутство и тому подобные

противообщественные пороки, христіанство положило начало самоотверженію, безкорыстію, вѣрности, правосудію и другимъ благамъ, зиждущимъ счастіе народное, обезпечивающимъ миръ, единомысліе, тишину и благоустройство общественное. Объединяя во святой церкви всѣхъ вѣрующихъ въ единую семью, связанную узами любви и братства, христіанство сдѣлало людей милосерднѣе, снисходительнѣе, добрѣе. Все въ мірѣ, раздѣляемое страстями и пороками, все разъединяемое предразсудками и предубѣжденіями, христіанство соединило и объединило: богатаго оно привлекаетъ къ бѣдному, великаго сближаетъ съ малымъ, счастливаго располагаетъ къ несчастному. Стоитъ обратить вниманіе на безчисленныя и всевозможныя проявленія христіанской благотворительности въ мірѣ, на эти заведенія, въ которыхъ немощные получаютъ исцѣленіе, неизлѣчимые отраду и облегченіе, старые упокоеніе, бѣдняки пріютъ, сироты уходъ и т. д., — кто, какъ не христіанство, даровало эти благодѣянія, сорудило эти пристанища, ввѣрило все больное, страждущее, бѣдствующее добросердечію и великодушію благотворителей? Нѣтъ общественной нужды, о которой не позаботилась бы церковь Христова; нѣтъ несчастія, котораго она не старалась бы отвратить, нѣтъ бѣдствія, горя людского, которому она не пришла бы на помощь. Всею благотворительностію и милосердіемъ на землѣ движитъ великая заповѣдь братолюбія, заповѣдь новая, которую Христосъ положилъ въ основу своей религіи и поставилъ отличительнымъ признакомъ своихъ учениковъ: *о семъ познаютъ, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35).

Итакъ, вѣра христіанская въ высокой степени благодѣтельна и необходима человѣку уже въ спокойномъ, ровномъ теченіи его жизни. Но ничто не можетъ сравняться со значеніемъ ея для человѣка въ болѣе или менѣе роковые моменты его жизни, въ дни скорби и печали, особенно же въ страшный часъ смертный. Пока жизнь человѣка течетъ благополучно и не подвергаетъ его тяжкимъ испытаніямъ, не ставитъ ему трудныхъ задачъ, человѣкъ можетъ жить безпечно, какъ живется, и, какъ это часто бываетъ, можетъ даже не представлять себѣ всей важности и необходимости религіи. Но бываютъ случаи, отъ которыхъ рѣшительно никто въ мірѣ не застрахованъ, когда горе обрушивается на человѣка, когда сердце обливается кровавыми слезами, когда подъ давленіемъ внѣшнихъ озлобленій и туги душевной человѣкъ чувствуетъ всю слабость своихъ силъ, всю безпомощность своего положенія, когда и при всѣхъ сокровищахъ міра онъ становится жалкимъ бѣднякомъ. Самыя задушевныя, дорогія привязанности его могутъ рушиться и измѣнить ему, самыя вѣрныя соображенія и самыя прочныя земныя надежды могутъ обмануть его, самыя непредвидѣнныя обстоятельства могутъ нарушить всѣ его планы и какъ бы изъ рукъ вырвать у человѣка его счастье. Жестокая болѣзнь, неумолимая смерть близкихъ и дорогихъ существъ, злоба враговъ, ненависть и зависть людей, лишеніе средствъ, безвинная потеря добраго имени и т. д. и т. д., — тысячи всевозможныхъ бѣдствій на каждомъ шагу могутъ по-

ражать, преслѣдовать и терзать человѣка. Именно, какъ сказалъ Апостолъ, бѣды всюду могутъ встрѣтить человѣка: *бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ язык, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды въ лжебратіи* (2 Кор. 11, 26). Въ какомъ мрачномъ видѣ является тогда человѣку жизнь его! Она кажется уже не драгоцѣннымъ даромъ небесъ, а тяжелымъ бременемъ, мученичествомъ; весь міръ является тогда человѣку не вселенскимъ храмомъ, славословящимъ Творца, а юдолью плача, мѣстомъ скорби и терзаній.

Что же можетъ поддержать тогда человѣка отъ отчаянія, въ чемъ тогда искать ему для себя опоры, отрады, облегченія въ своихъ страданіяхъ? Человѣческая помощь часто въ такихъ случаяхъ бываетъ совсѣмъ безсильна и безполезна. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите больному страдальцу самую краснорѣчивую лекцію о необходимости терпѣнія,—развѣ это хоть сколько нибудь облегчитъ его муку? Скажите человѣку, лишившемуся всего своего достоянія, что онъ опять можетъ нажить его, внушайте безвинно оскорбленному, ставшему жертвою злобы и клеветы людской, что рано или поздно невинность его откроется, говорите отцу и матери, оплакивающимъ драгоцѣннѣйшую утѣху жизни своей, единственное чадо свое, что смерть есть удѣлъ всѣхъ людей, что слезы и рыданія въ этомъ случаѣ безполезны, — такъ эти мудрыя увѣщанія, эти разсудочные совѣты развѣ прольютъ хоть каплю утѣшенія въ изболѣвшія, израненныя сердца страждущихъ?! Развѣ послѣдніе не могутъ съ полной основа-

тельностію возразить вамъ: *что мя утѣшаете суетными?*—какъ возражалъ многострадальный Іовъ своимъ друзьямъ утѣшителямъ (Іова 21, 34). Нѣтъ, въ такихъ случаяхъ люди, при всемъ своемъ горячемъ сочувствіи, не могутъ помочь человѣку, и онъ все равно остается одинокимъ, безпомощнымъ мученикомъ. *Братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ*! говоритъ святый Псалмопѣвецъ, этотъ мудрецъ жизни, такъ много самъ перестрадавшій. Нѣтъ, только въ самомъ себѣ, въ глубинѣ души своей человѣкъ можетъ искать опору своему смятенному духу. И горе тому, у кого такой опоры не найдется, у кого окажется въ душѣ пусто, шатко, смутно, когда не къ чему тамъ прислониться, не на что опереться, не въ чемъ подкрѣпить свою мысль, сердце, волю. Тогда жизнь человѣка, дѣйствительно, ужасна, несносна. Зато какъ счастливъ человѣкъ, если онъ найдетъ въ душѣ своей отрадный свѣтъ и спасительное руководство вѣры Христовой. Если знамя святой религіи прочно водружено въ душѣ человѣка, то она, и только одна она, въ состояніи облегчить его страданія, утолить его муку, поддержать въ немъ нравственное мужество, бодрость, спасти человѣка отъ мрачнаго, безотраднаго отчаянія. *Призови Мя въ день скорби твоея*, взываетъ самъ Господь къ всякому земному страдальцу: *и изму тя, и прославиши Мя* (Псал. 49, 15). *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.*

Да, только христіанинъ, теряя и все земное, еще не всего лишается: для него и у него есть Богъ, милосердый о немъ Промыслитель и его Спаситель, Кото-

рый и защититъ, и пощадитъ, Который знаетъ всякое воздыханіе, считаетъ каждую слезинку человѣка, чтобы потомъ сторицею воздать за это временное вѣчнымъ, за скорбь блаженствомъ. *Да не смущается сердце ваше*, говорилъ Спаситель подавленнымъ душою, скорбящимъ ученикамъ своимъ: только *вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте.* Истинный христіанинъ въ своей вѣрѣ и надеждѣ на Бога почерпаетъ себѣ утѣшеніе и твердость, энергію воли, крѣпость силъ въ перенесеніи посѣтившихъ его скорбей; въ отрадныхъ утѣшеніяхъ Евангелія онъ найдетъ успокоеніе своему уму, смятенному житейскими противорѣчіями, и неизъяснимое облегченіе и отраду для своего изстрадавшагося сердца, такъ что, исполненный мужества и силы духовной, онъ не сдѣлается жертвой отчаянія. Въ вѣрѣ святой онъ имѣетъ несокрушимый оплотъ для себя, который не пошатнутъ никакіе удары судьбы и съ которымъ безбоязненно и твердо идетъ онъ среди самыхъ темныхъ путей своей жизни. Для вѣрующаго христіанина всѣ скорби міра—ничто, въ сравненіи съ утѣшеніями отъ Духа Святого; по слову Апостола, онъ и *скорбяще, присно радуется* (2 Кор. 6, 10); въ самой пучинѣ золъ онъ подъемлетъ руки къ небу, только у Бога проситъ себѣ помощи, силъ, и только благодаритъ Бога, такъ какъ въ ниспосланныхъ ему испытаніяхъ видитъ путь къ своему нравственному усовершенствованію и спасенію. И несомнѣнно, чрезъ молитву свою, вѣрующій христіанинъ, получаетъ благодать Божію, которая именно небесною росою ниспадаетъ на сердце его, пылающее въ огнѣ бѣдствій. Этимъ благодатнымъ по-

собіемъ укрѣплены были святые апостолы и всѣ святые мученики, которые восхищались своими узами, съ радостными пѣснями во славу Христа шли на свои смертныя мученія, *укоряеми благословляли, гоними терпѣли, хулими утѣшалися* (1 Кор. 4, 12). „Вѣра, говоритъ одинъ изъ учителей церкви, многихъ подъяла на небо, многихъ исхитила отъ воды; она низводила огонь съ небесъ, раздѣляла море, разсѣкала камни, источая изъ нихъ воду для жаждущихъ, она мертвыхъ воззывала къ новой жизни“.... и т. д. [1]). Словомъ, нѣтъ чуда, котораго не могла бы чрезъ слабаго человѣка совершить вѣра Христова; святые подвижники *вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, заградиша уста львомъ, угасиша силу огненную.*

Конечно, не для всѣхъ насъ, маловѣрныхъ и малодушныхъ, возможны такія чудеса: но это нисколько не унижаетъ силы и величія вѣры Христовой. Вѣдь мы знаемъ, что маловѣрные и нечестивые неизбѣжно и всегда, по слову Премудраго, *всуе мятутся*, вѣчно *бѣгаютъ ни единому же гоняющу*, и что только *праведный* непоколебимъ и устойчивъ бываетъ, *яко левъ* (Притч. 28, 1); мы знаемъ, что только глубоко и честно вѣрующій христіанинъ смѣло и безбоязненно протекаетъ свой жизненный путь, взывая: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой—кого убоюся! Господь крѣпость моя—кого устрашуся! Аще пойду посреди сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси!* (Пс. 22, 4). Мы, такимъ образомъ, знаемъ, что всемогущая

[1]) Св. Іаковъ Низвійскій. Хр. Чт. 1859 г. IV, 300 стр.

и непреодолимая сила, мощь христіанина — въ вѣрѣ его, и намъ остается только молить: *вѣруемъ, Господи*, и мы, *помози нашему невѣрію*!

Но едвали не самымъ страшнымъ врагомъ счастія человѣческаго въ жизни является смерть. Смерть!... Сколько ужаса внушаетъ одна мысль о ней! Одно напоминаніе о смерти, о гробѣ способно тревожить человѣка, возбуждать мрачныя думы, нарушить покой сердца, уничтожить веселое настроеніе человѣка, подорвать счастливыя его минуты. А напоминанія эти такъ часты и неотвратимы. Какъ бы въ качествѣ постояннаго предупрежденія намъ о часѣ смертномъ, чуть ни ежедневно мы слышимъ погребальный звонъ, этотъ вѣрный вѣстникъ могущества надъ нами смерти; такъ часто встрѣчаемъ мы похоронныя процессіи, такъ нерѣдко, наконецъ, сами мы вынуждаемся принимать участіе въ этихъ печальныхъ церемоніяхъ, провожая въ загробный міръ нашихъ близкихъ и знаемыхъ. Пуще всего человѣка смущаетъ невѣдѣніе, что будетъ съ нимъ тамъ, за дверьми гроба. Вопросъ этотъ такъ мучительно любопытенъ для человѣка, что нѣтъ ни одной религіи, которая бы не говорила хоть что нибудь за или противъ существованія загробной жизни. Разумъ человѣческій подыскалъ уже очень немало доказательствъ безсмертія души человѣческой; но все это только догадки, вѣроятности, предположенія, все это не увѣряетъ человѣка вполнѣ, а потому и не успокоиваетъ его окончательно. И тутъ только одна вѣра Христова, со всею возможною опредѣленностію, удовлетворяетъ насущному запросу души человѣческой. Все

ученіе Іисуса Христа гласитъ, что человѣкъ живетъ не для времени, а для вѣчности, и предъ человѣкомъ ясно положенъ путь, по которому онъ можетъ самъ управить себя къ блаженству безконечному. Среди житейскаго разсѣянія человѣкъ незамѣтно, но неуклонно приближается ко гробу, а часто и совсѣмъ внѣзапно, неожиданно усматриваетъ себя на краю могилы. Въ грозный часъ смерти ни міръ, ни люди не могутъ дать человѣку никакого утѣшенія и укрѣпленія. Поистинѣ ужасно положеніе тогда человѣка, жившаго только для міра и одними мірскими интересами: для него часъ смертный есть часъ мучительнѣйшей скорби, леденящаго страха, полнаго отчаянія. Но зато какъ покоенъ и какъ сравнительно счастливъ и въ такомъ состояніи вѣрующій христіанинъ! Имѣющій свое счастіе и радость въ Богѣ, онъ и на послѣдней ступени жизни, когда все земное для него исчезаетъ, когда уже тѣло его разрушается, когда отверзается предъ нимъ это вѣчное будущее, не остается безнадеженъ: не одинъ онъ уходитъ во мракъ могилы, а съ животворящимъ крестомъ Господнимъ, этимъ несомнѣннымъ для него символомъ воскресенія и вѣчной жизни. Не въ пучину безнадежнаго отчаянія онъ повергается, а только всѣмъ существомъ своимъ возверзаетъ надежду свою на Бога, Ему предается, къ Нему стремится. Чѣмъ живѣе и сильнѣе вѣра христіанина, тѣмъ смѣлѣе смотритъ онъ въ глаза смерти, тѣмъ спокойнѣе встрѣчаетъ ее. *Мнѣ бо еже жити, Христе, и еже умрети — пріобрѣтеніе есть*, говорилъ Апостолъ (Филипп. 1, 21). Святые и угодники Христовы съ радостію, съ восторгомъ встрѣ-

чали смерть, какъ освобожденіе отъ несовершенствъ земного существованія, какъ врата, ведущія къ соединенію съ Богомъ; они умирали въ свѣтломъ настроеніи души, уже на землѣ предвкушая блаженство небесное. Такимъ образомъ, христіанство и самую смерть, это величайшее съ точки зрѣнія человѣческой несчастіе, можетъ превратить если не въ великое счастіе, то во всякомъ случаѣ можетъ примирить съ нею, подготовить сердце наше къ твердому, мужественному срѣтенію ея.

Поддерживая и ободряя человѣка въ страшный часъ смерти, вѣра Христова и во всю жизнь подготовляетъ своихъ исповѣдниковъ къ достойной и праведной встрѣчѣ смертнаго часа. Память смертная для христіанина является не предметомъ безотчетнаго ужаса и тупой безсмысленной трусости, а является только полезнымъ предупрежденіемъ и побужденіемъ къ таковому поведенію, которое бы приготовило ему кончину безболѣзненную, непостыдную и мирную, предвѣстницу добраго отвѣта и на страшномъ судищѣ Христовѣ. Конечно, можно человѣку всю жизнь прожить и безъ Христа, т. е. можно, при полномъ забвеніи о Немъ, сдѣлать жизнь свою и легкою и пріятною, если есть къ тому мірскія средства и возможность; но ужъ никакъ не пройти человѣку безъ Него чрезъ врата смертныя. Всѣ и невѣрующіе и маловѣрующіе, хотя бы даже только инстинктивно, чувствуютъ это и потому такъ трепещутъ смертнаго часа. Напрасно они иногда пытаются скрыть этотъ ужасъ смерти отъ себя и отъ другихъ, напрасно силятся казаться равнодушными къ

смерти,—это только видимое притворство, которое въ самомъ лучшемъ случаѣ даетъ иногда человѣку возможность умереть по крайней мѣрѣ прилично, не унизивъ себя видимымъ отчаяніемъ и полнымъ малодушіемъ. А что испытываетъ при этомъ ихъ бѣдное сердце, объ этомъ и подумать страшно. Многіе невѣры въ послѣдніе моменты жизни, дѣйствительно, и сбрасываютъ личину равнодушія, явно исповѣдуются въ своихъ душевныхъ мученіяхъ и нерѣдко бросаются подъ щитъ вѣры, всю жизнь ими позоримой и отвергаемой. Въ одной книгѣ, помнится, разсказанъ былъ слѣдующій знаменательный случай. Жилъ былъ одинъ молодой богачъ, человѣкъ, пресыщенный всѣми благами и наслажденіями жизни, и въ тоже время атеистъ, открыто и дерзко отвергавшій христіанство. Располагая громадными средствами и полной свободой, онъ собрался въ далекое морское плаваніе для своего развлеченія и удовольствія. Но провожавшіе его знакомые, представители такой же, какъ и онъ, золотой и невѣрующей молодежи, были крайне смущены его мрачнымъ, озабоченнымъ видомъ. Въ послѣднія минуты прощанія, онъ сказалъ друзьямъ: „предо мной открывается свѣтлая и очаровательная будущность; но одно только бросаетъ мрачную тѣнь на счастіе моей жизни“. —„Что же это такое?“ воскликнули изумленные друзья. —„А что если правда все то, о чемъ говоритъ Библія?! Если бы я зналъ навѣрно, что со смертію все кончено, тогда я былъ бы невозмутимо счастливъ; но вотъ жало этого сомнѣнія пронзаетъ мою душу, меня преслѣдуетъ и не даетъ мнѣ покоя. Если Библія гово-

ритъ истину, такъ вѣдь, значитъ, я на вѣки погибъ, вѣдь тогда будущность моя ужасна, вѣдь тогда все, все для меня потеряно!...". Друзья онѣмѣли отъ изумленія, слыша такія рѣчи изъ устъ своего пріятеля. А въ несчастномъ говорило инстинктивное предчувствіе близкаго и дѣйствительно безнадежнаго для него смертнаго часа: корабль потерпѣлъ крушеніе и онъ погибъ.

„А что если правда то, о чемъ говоритъ Библія?" — боязливый вопросъ этотъ камнемъ лежитъ на сердцѣ у многихъ тысячъ людей, именующихся христіанами, но высвободившихъ себя изъ подъ нравственныхъ узъ божественной религіи.... И какъ безмѣрно счастливъ въ сравненіи съ ними не только въ будущей, а даже и въ этой жизни истинный, вѣрующій христіанинъ, который отлично, несомнѣнно знаетъ, что да, Библія говоритъ непреложную истину. Истинный христіанинъ тѣмъ болѣе счастливъ, что обладаетъ также и мудрымъ, самымъ необходимымъ для вѣковѣчнаго счастія человѣческаго знаніемъ того, какъ нужно жить, чтобы не бояться смерти и чтобы всегда быть готовымъ къ смертному часу.

Такимъ образомъ, вѣра христіанская облегчаетъ и освящаетъ весь жизненный путь христіанина до самой его могилы. Но кромѣ этого постояннаго и неизмѣннаго вліянія ея на вѣрующую душу, сколько еще особенныхъ, такъ сказать, частныхъ и временныхъ чисто религіозныхъ радостей доставляетъ она вѣрующему христіанину въ земной его жизни! Какою мѣрою можно измѣрить, напримѣръ, то несказанное утѣшеніе,

когда христіанинъ, по слову Апостола, *радуется о Дусѣ Святѣ*, когда, усиленно обращаясь къ Богу за помощью или получивши отъ Него милость, благодѣяніе, дѣйствительно сознаетъ онъ свое общеніе съ Богомъ, чувствуетъ близость Бога къ себѣ, пріобрѣтаетъ часто несомнительную увѣренность, что Богъ никогда не покинетъ его, всегда, въ минуту жизни трудную, услышитъ, защититъ, спасетъ его. Далѣе, какой безконечный источникъ сердечнаго удовлетворенія обрѣтаетъ вѣрующій христіанинъ во храмѣ святомъ, особенно при торжественномъ богослуженіи, особенно въ великіе праздники. Можно ли какое нибудь житейское развлеченіе и удовольствіе сравнить, напримѣръ, съ тѣмъ блаженствомъ, какое испытываетъ христіанинъ въ безконечно знаменательные дни страстной седьмицы и свѣтлаго дня пасхи! Это—истинная весна для души человѣческой, полная несравненной, высокой религіозной поэзіи, очаровательная, прекрасная, восторгающая душу человѣка. Какую, далѣе полноту счастья, какую благодатную *радость спасенія* (Псал. 50, 10) испытываетъ христіанинъ, когда въ святыхъ таинствахъ онъ пріобщается самому Господу, дѣлается участникомъ безсмертной и божественной жизни Его. Во всѣхъ такихъ и подобныхъ имъ случаяхъ христіанинъ испытываетъ такое состояніе, когда вмѣстѣ съ Давидомъ такъ и хочется воскликнуть: *и сердце мое, и плоть моя возрадовастася о Бозѣ, Спасѣ моемъ*! (Псал. 83, 3). Не великую ли также радость ощущаетъ христіанинъ, когда совершаетъ доброе христіанское дѣло—посѣтитъ пріютъ бѣдняка, сдѣлаетъ благотвореніе неимущему,

поможетъ несчастному, выручитъ изъ бѣды ближняго, проститъ обиду, за зло отплатитъ добромъ и т. д. и т. д. Какое сладкое чувство спокойствія и мира наполняетъ тогда душу, какое свѣтлое довольство собою и всѣмъ міромъ Божіимъ ощущаетъ тогда человѣкъ! Какая также святая, мирная и тихая радость посѣщаетъ душу, когда человѣкъ подавитъ самъ въ себѣ какой либо грѣховный порывъ, совершитъ какой либо подвигъ вѣры, исполнитъ свой долгъ, свою священную обязанность и т. п. Наконецъ, часто какъ будто и безъ особаго внѣшняго повода посѣщаютъ христіанина минуты особеннаго духовнаго восторга и религіознаго умиленія, когда онъ чувствуетъ какъ бы озареніе свыше, когда въ приливѣ вѣры трепетно бьется сердце, и религіозное чувство горячо и сильно овладѣваетъ душою. Всѣ мысли уносятся тогда къ горнему міру, вся душа способна бываетъ излиться въ страстной, горячей молитвѣ къ такъ близкому въ эти моменты милосердому Богу. И представляется тогда просто невозможнымъ, чтобы эта молитва не была услышана Богомъ, и кажется тогда невѣроятнымъ безуміемъ всякое человѣческое сомнѣніе о Богѣ, о Его милосердіи, о Его близости къ человѣку. Словомъ, въ жизни христіанина безмѣрно много случаевъ, поводовъ и моментовъ, когда онъ поистинѣ наслаждается своимъ христіанскимъ блаженствомъ, такъ сказать ненарадуется счастію своей облагодатствованной христіанской души.

У христіанина есть и вѣрнѣйшее средство всегда достигнуть этого райскаго на землѣ блаженства и испытать наслажденіе религіознаго подъема въ своей

душѣ. Это средство — молитва. Молитва есть великая, могучая сила христіанина и всегда доступный ему источникъ счастья. Еще философъ Платонъ сказалъ: „самое прекраснѣйшее и самое лучшее, что только можетъ дѣлать добродѣтельный человѣкъ, это то, что онъ постоянно можетъ вступать въ общеніе съ Богомъ, посредствомъ молитвы: молитва больше всего содѣйствуетъ благоденствію въ жизни“. Такъ понималъ значеніе и силу молитвы даже язычникъ. И намъ ли, христіанамъ, нужно доказывать, что слова эти—сущая, золотая правда. Молящійся христіанинъ уходитъ отъ безпокойствъ и треволненій жизни мірской и входитъ въ себя самого, во внутреннее святилище души своей; онъ погружается за молитвою въ глубокую, святую тишину, въ которой отдыхаетъ, освѣжается его душа. Человѣкъ снимаетъ личину мірскихъ, часто нелѣпыхъ обычаевъ, приличій, предразсудковъ и становится самъ собою, какимъ создалъ его Господь. Уходя въ самого себя, христіанинъ приближается къ Богу, потому что въ глубинѣ нашего существа Богъ бываетъ близокъ къ намъ и въ святилищѣ души нашей Богъ бываетъ съ нами и мы съ Нимъ. Въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ мы передаемъ Ему себя, со всѣмъ, что наполняетъ нашу душу: наши печали, горести и озлобленія, наши желанія, надежды и прошенія. Оставляя въ молитвѣ весь, окружающій тѣло наше, міръ временный и преходящій, душою вступаемъ мы въ вѣчный міръ Божій и дышемъ его небеснымъ воздухомъ. Этотъ воздухъ — насущное питаніе нашей души, чтобы не замерла она, чтобы не ожесточилась и не окаменѣла

окончательно въ грѣховной атмосферѣ земного міра. А тотъ міръ Божій, въ который уноситъ насъ молитва, есть міръ мира и святыни, счастія и отрады; душа утихаетъ въ немъ, умолкаютъ всѣ ея житейскія волненія и страсти, безпокойства и заботы; всѣ страхи и страданія ея теряютъ свою болѣзненность, всякое горе и мученіе теряетъ свою жгучесть, и приливъ новыхъ силъ, бодрости, энергіи и радости духовной наполняетъ душу человѣка. Невольно вспоминаются прекрасные стихи поэта, замѣчательно вѣрно охарактеризовавшаго эту непостижимую, таинственную силу и вліяніе христіанской молитвы:

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнья далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!

Но почему же, спросятъ насъ люди невѣрующіе, почему христіанство, такой вѣрный источникъ не только небеснаго, а и земного счастія человѣческаго, не даетъ человѣку счастія полнаго и абсолютнаго? Почему вселенная и послѣ того, какъ осѣнило ее христіанство, такъ же растлѣнна и несчастна? Если христіанство

обезпечиваетъ счастіе человѣка, зачѣмъ же и христіане стонутъ подъ игомъ страстей и бѣдствій? Если христіанство возрождаетъ и очищаетъ своихъ исповѣдниковъ, то почему же послѣдніе однако допускаютъ безчестные поступки, безнравственную жизнь,—почему и въ христіанскомъ обществѣ пороки господствуютъ съ прежнею силой, зачѣмъ добродѣтель не усиливается, а день ото дня слабѣетъ? Вотъ возраженія, постоянно слышимыя теперь, и — съ точки зрѣнія людей невѣрующихъ — возраженія неустранимыя, уничтожающія христіанство.

Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ основательны и неопровержимы эти возраженія, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда? Нѣтъ, нисколько. Возраженія эти всею ихъ тяжестію падаютъ только на насъ, недостойныхъ величайшаго благодѣянія и счастія вѣры святой, а отнюдь не на самую вѣру. Это—наше великое горе, наше роковое преступленіе, что мы оказываемся на каждомъ шагу недостойны безцѣннаго имени христіанина, что мы такъ нагло и явно унижаемъ дарованія святой вѣры, что мы, величаясь христіанами, остаемся въ жизни и поведеніи своемъ почти такими же, какъ и нехристіане. Наши постоянныя нарушенія закона не есть и не могутъ быть поношеніемъ самого закона. Пусть найдутъ и укажутъ хоть единое слово въ рѣчахъ Спасителя, хоть одно выраженіе изъ писаній апостольскихъ, которыя бы оправдывали и защищали эти позоряціе христіанъ ихъ нечистые, низкіе поступки. Еще знаменитый Гете, человѣкъ маловѣрующій, и то сказалъ сущую правду въ слѣдующемъ извѣстномъ его

афоризмѣ: „величайшую справедливость нужно отдать христіанству въ томъ, что оно, въ какое бы зло не увлекалъ имя его человѣкъ, всегда остается само въ себѣ чисто и благородно“. Христіанство не сдѣлало человѣка безгрѣшнымъ; оно только даровало человѣку совсѣмъ дотолѣ утраченную святую и безцѣнную возможность сдѣлаться безгрѣшнымъ и спастись. Располагая человѣка къ добру, оно не заставляетъ насильно дѣлать его; оно возлагаетъ на человѣка только обязанности, а не принужденіе. И неужели бы мы, даже съ нашей человѣческой точки зрѣнія, могли одобрить религію, которая бы противъ воли человѣка отнимала его отъ грѣха и насильственно вгоняла его въ святость? Можетъ ли быть хоть какая нибудь заслуга тамъ, гдѣ нѣтъ свободы! Какую же цѣну могла бы тогда имѣть добродѣтель человѣка, если бы она была не добровольною, а принудительною! Враги христіанства судятъ о христіанствѣ, обращая вниманіе не на исполнителей его закона, а на нарушителей его. Вину послѣднихъ они вмѣняютъ закону, за которымъ эти нарушители не желаютъ слѣдовать. Чтобъ осуждать христіанство, нужно смотрѣть не на то, что не согласно съ нимъ и что отвергается имъ, а на то, чего оно требуетъ и что оно даетъ, къ чему ведетъ. Оно безусловно свято, потому что предписываетъ только святость и добродѣтели, — хотя много людей, злоупотребляя своею свободою и именемъ христіанства, не хотятъ святости и не желаютъ осуществлять эти добродѣтели. Христіанство безспорно ведетъ къ счастію, такъ какъ всю жизнь вѣрующихъ и всѣми сред-

ствами направляетъ къ благополучію,—хотя множество людей, не подчиняясь водительству христіанства, погибаютъ въ несчастіяхъ. Христіанство сильно и чудодѣйственно, потому что можетъ отвлечь человѣка отъ его животныхъ и эгоистичныхъ инстинктовъ, управить его на узкій и нелегкій въ мірѣ этомъ путь подвижничества,—хотя есть масса людей, въ упорной и часто ожесточенной слѣпотѣ своей не хотящихъ понимать благихъ совѣтовъ христіанства, и иногда дерзновенно, на погибель себѣ, презирающихъ и эти совѣты и самое христіанство.

Вѣдь нѣтъ въ мірѣ ничего самаго высокаго и святого, что человѣкъ не могъ бы исказить и опозорить; нѣтъ ничего добраго и полезнѣйшаго, чѣмъ бы человѣкъ не злоупотребилъ. Человѣкъ и разумъ свой, эту высшую силу, отличающую человѣка отъ всего въ мірѣ и возвышающую надъ міромъ, и его нерѣдко дѣлалъ и дѣлаетъ источникомъ зла, виновникомъ вредныхъ ученій и дѣяній; вѣдь человѣкъ и свободу, этотъ высшій даръ небесъ, можетъ часто обращать на страшныя злодѣйства; вѣдь человѣкъ и науку, эту великую силу, поднимающую богоподобіе въ человѣкѣ, нерѣдко направляетъ на путь лжи и преступныхъ изобрѣтеній. Какъ ни необходимъ для человѣка огонь, но вѣдь человѣкъ можетъ обратить его во зло, дѣлая поджоги; какъ ни полезны желѣзныя дороги, но вѣдь человѣкъ можетъ же сдѣлать ихъ причиною тысячей смертей, подготовивъ крушеніе; какъ ни благодѣтельна сила электричества, но вѣдь человѣкъ можетъ же воспользоваться имъ для какого нибудь адскаго взрыва, и такъ

далѣе и такъ далѣе. Однако, изъ всего этого не слѣдуетъ же, что можно позорить и проклинать и разумъ, и свободу, и науку, и электричество....

Итакъ, не христіанство причина тѣхъ несовершенствъ и несчастій, какія навлекаютъ на себя сами люди, чаще всего только именующіеся христіанами, люди невѣрные или маловѣрные. Зато, съ другой стороны, истинное величіе христіанства открывается въ томъ, сколько дѣйствительнаго счастія и благъ принесло оно міру и человѣку. Въ самомъ дѣлѣ, сколько страшнаго зла уничтожило христіанство на землѣ, въ человѣческой жизни! Сколько преступленій, злодѣйствъ и бѣдствій предупредило оно своими благодатными внушеніями, сколько внесло оно въ жизнь элементовъ добра и правды, чистоты и святости! Если человѣчество имѣетъ теперь точныя и неопровержимыя никакими усиліями невѣрія знанія о Богѣ, о назначеніи человѣка, о загробной жизни, то этимъ обязано оно христіанству. Если безсмысленные идолы на большей части лица земли ниспровергнуты теперь со всѣмъ суевѣрнымъ и унизительнымъ служеніемъ имъ человѣка, то не отъ голоса-ли Небеснаго Учителя пали они? Если нравственное ученіе, которымъ руководится теперь человѣчество, стало возвышеннѣе, чище, духовнѣе, то не христіанство ли повѣдало это ученіе? Если поразительные примѣры смиренія, самоотверженія, любви ко врагамъ, если многіе подвиги добродѣтелей, о которыхъ и не слыхала дотолѣ земля, теперь наполнили исторію человѣчества, то не христіанство ли создало и умножило ихъ? Если звѣрскіе и кровожадные людо-

ѣды, суровые и тупоумные язычники теперь на нашихъ глазахъ съ крещеніемъ ихъ превращаются въ умныхъ, добрыхъ и нравственныхъ людей, то въ этомъ обнаруживается не изумительная ли сила и величіе христіанства? И т. д.

Безцѣнный даръ небесъ и величайшій источникъ радостей и счастья человѣческаго, христіанство благодѣтельствующую намъ всемогущую силу свою проявляетъ всюду и рѣшительно во всемъ. Оно заявляетъ Божественное могущество свое и въ невидимыхъ путяхъ жизни христіанина, и въ явномъ промышленіи о немъ въ годины его огорченій и страданій, и, наконецъ, даже прямо въ чудодѣйственныхъ явленіяхъ и фактахъ, непостижимыхъ ни для какой науки и необъяснимыхъ естественными законами природы. Эти чудотворныя знаменія вѣры Христовой, особенно частые въ первые вѣка христіанства, вѣка безпредѣльной вѣры исповѣдниковъ Христа, совершаются даже и теперь, на нашихъ глазахъ, поражая и изумляя весь современный маловѣрный міръ. Еще такъ недавно совершились напримѣръ слѣдующія общеизвѣстныя и всенародно открытыя поразительныя чудеса: дивное спасеніе всей царственной семьи русской, когда весь поѣздъ превращенъ былъ въ груды щепъ и осколковъ; открытіе избѣжавшихъ тлѣнія мощей святителя Ѳеодосія, Черниговскаго чудотворца; поразительное чудо спасенія благодѣтельствующей вѣрующимъ христіанамъ великой святыни православной въ Курскѣ, на которую такъ святотатственно поднялась какая-то проклятая, преступная рука, и т. д. А кромѣ того, сколько со-

вершается въ церкви православной еще тайныхъ, частныхъ и далеко не всѣмъ вѣдомыхъ и объявленныхъ чудесъ! Не нынѣшнимъ ли только лѣтомъ, напримѣръ, извѣстная многимъ наша одногорожанка (г-жа К.), много лѣтъ не владѣвшая ногами и не излѣченная никакими знаменитостями медицинскаго міра, въ одинъ моментъ получила исцѣленіе при мощахъ новоявленнаго чудотворца Ѳеодосія Черниговскаго?! — Несомнѣнно, благодать Божія и въ наше время не покидаетъ насъ: она и теперь неотступно пребываетъ въ церкви святой, она и естественными и этими сверхъестественными мѣрами обращаетъ наши взоры къ себѣ, питаетъ и поддерживаетъ и малое сѣмя вѣры святой въ сердцахъ нашихъ.

Но зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, и люди вѣрующіе, люди благочестивые страдаютъ, почему и они такъ часто терпятъ несчастія, какое же счастіе для нихъ въ вѣрѣ ихъ? — Такъ говоритъ и возражать могутъ только люди, рѣшительно не знающіе и не понимающіе христіанства. Да развѣ могутъ христіане совсѣмъ не страдать, когда страданія прямо предсказаны и предназначены для христіанъ? Развѣ не Самъ Божественный Основатель христіанства сказалъ своимъ послѣдователямъ, что *въ мірѣ скорбни будете*, будете плакать, будете испытывать озлобленія, угнетенія и т. д.? Развѣ страданіе, несеніе креста—не общій удѣлъ всѣхъ земноживущихъ? Люди всѣ и неизбѣжно въ большей или меньшей степени обречены на страданія; и при этомъ чѣмъ лучше, впечатлительнѣе и отзывчивѣе чело-

вѣкъ, чѣмъ болѣе проникнутъ онъ евангельскою истиною, тѣмъ онъ больше имѣетъ и поводовъ и основаній скорбѣть и страдать, отъ своихъ и отъ чужихъ недостатковъ и несовершенствъ. Но въ томъ-то и величайшее преимущество, непостижимое превосходство христіанства, одинъ изъ признаковъ его божественности, что страдальцы христіане, по слову Спасителя, *блаженны*: *блаженни плачущіи*,... *блаженни алчущіи и жаждущіи правды*,... *блаженни, егда поносятъ васъ*...., и т. д. Христіанство и въ страданіяхъ даетъ своему исповѣднику надежду, подкрѣпленіе и утѣшеніе, и въ горѣ оно подаетъ миръ душѣ, въ скорбяхъ жизни заставляетъ находить даже сладость и отраду. Только въ христіанствѣ скорби и страданія получаютъ смыслъ и цѣну, только въ христіанствѣ они, поэтому, и не доводятъ человѣка до отчаянія, до гибели, до самоистребленія, а наоборотъ, лишь больше и больше утверждаютъ и укрѣпляютъ человѣка въ счастливой, безцѣнной надеждѣ на спасеніе, такъ какъ въ жизненномъ крестѣ христіанина ему дарованъ залогъ его вѣчнаго и уже полнаго, неомрачаемаго никакою болѣзнью, печалью и воздыханіемъ, счастія будущей жизни.

Итакъ, христіанство—вѣрнѣйшій и спасительный кормчій человѣка! Вѣра христіанская — необходимое условіе истиннаго счастія земного и неисчерпаемый источникъ радостей въ человѣческой жизни. Вѣра осѣняетъ человѣка счастіемъ, проливаетъ радость въ его душу; она даруетъ человѣку спокойствіе и миръ, обусловливаетъ жизнерадостное настроеніе, внутреннее

равновѣсіе и безмятежность духа, дѣлающія жизнь человѣческую игомъ благимъ, бременемъ легкимъ, драгоцѣннѣйшимъ даромъ Творца. Потому-то нравственная личность истиннаго христіанина и вся жизнь людей, искренно и вседушевно вѣрующихъ, и являютъ въ себѣ такъ много прекраснаго, располагающаго и привлекательнаго. Въ самомъ дѣлѣ, взойдите, примѣрно, въ храмъ Божій, не въ праздникъ, когда собирается туда масса люда празднаго, собирается нерѣдко только по обычаю и отъ нечего дѣлать, а въ будни, когда въ церкви мало людей, но пришли они по своему внутреннему, сердечному влеченію. Или еще лучше: войдите въ храмъ какой либо уединенной нашей обители, наполненный людьми, борящимися со всѣми земными и житейскими страстями и влеченіями. Всмотритесь въ эти лица, вслушайтесь мысленно въ возносимыя здѣсь этими людьми моленія: какимъ живымъ, жаркимъ пламенемъ и съ какимъ дерзновеніемъ вѣры возносятся и летятъ здѣсь къ престолу Царя Небеснаго вздохи и моленія этихъ христіанъ! И какую непобѣдимую для земли, мощную силу духовную для борьбы съ житейскими невзгодами и искушеніями черпаютъ здѣсь эти люди! Трудно бываетъ самому тогда не заразиться благоговѣйнымъ настроеніемъ и не покориться душою силѣ этого религіознаго умиленія й молитвеннаго огня.... Невѣры говорятъ, что вѣра не нужна человѣку, что она уже побѣждена наукою; но вотъ эти люди, душу свою изливающіе предъ Творцемъ, развѣ они не вѣрою живутъ и развѣ они похожи на побѣжденныхъ?! И если бы наукѣ удалось лишить этихъ людей пре-

краснаго и самаго необходимаго для жизни святѣйшаго сокровища ихъ душъ, отнять у нихъ вѣру, такъ развѣ смогла бы наука хоть въ самомалѣйшей долѣ воздать имъ за такое лишеніе, чѣмъ либо вознаградить ихъ за такую утрату?!

Современный и, далеко не всегда точно такъ называемый, цивилизованный человѣкъ, дѣйствительно, самонадѣянно вдался, по предсказанію св. Апостола, *въ ученія странна и различна* (Евр. 13, 9). Отвращаясь отъ вѣры, онъ такъ кичится, хвалится своимъ прогрессомъ; но осчастливилъ ли этотъ прогрессъ человѣка? Сдѣлалъ ли онъ, напримѣръ, всѣхъ голодныхъ сытыми? Отстранилъ ли причины голода—засухи, ненастья, бури и т. п.? Избавилъ ли онъ человѣка отъ ужасовъ землетрясеній, наводненій, пожаровъ? Спасъ ли онъ человѣка отъ опустошительныхъ язвъ, повѣтрій, эпидемій? Если же это не во власти человѣка, то сдѣлалъ ли онъ по крайней мѣрѣ то, что ужъ прямо зависитъ отъ человѣка—прекратилъ ли хоть напримѣръ мятежи, войны, кровопролитіе человѣческое?—Все нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Такъ, далъ ли онъ счастіе человѣку и умѣстна ли заносчивая, горделивая похвальба имъ! Не достигаетъ ли онъ главнымъ образомъ только пока того, что жизнь нашу дѣлаетъ болѣе легкою, праздною, изнѣженною? Но это — не великое пріобрѣтеніе даже и для этой жизни человѣка, а про будущую, конечно, ужъ и говорить нечего.... Нѣтъ, не прогрессъ и не успѣхи культуры, а только Богъ можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ и здѣсь на землѣ, когда человѣкъ, чрезъ вѣру и храненіе заповѣдей Божіихъ, пре-

будетъ въ союзѣ съ Богомъ! Только *Господь крѣпость людемъ своимъ даетъ*, только *Господь спасаетъ люди своя миромъ*!

Напрасно также гордость людей, возстающихъ на религію, хвалится благородными началами новой жизни —гуманностью, свободою, альтруизмомъ, какъ-де пріобрѣтеніями и завоеваніями человѣческаго прогресса: развѣ не очевидно для всякаго, что всѣ эти элементы счастья современной нашей жизни изъ христіанства же похищены, что это только болѣе или менѣе искаженныя, перепорченныя варіаціи евангельскихъ началъ, и что въ Евангеліи-то эти начала возвѣщены и раскрыты въ неизмѣримо большей чистотѣ, высотѣ и совершенствѣ. Такъ что, и это все хорошее въ жизни людей, не вѣрящихъ въ христіанство, изъ христіанства же, отъ Бога же ведетъ свое начало!....

Безъ Бога всякое земное счастіе есть только самообольщеніе, пустая греза, обманчивая мечта. Только Христосъ можетъ наградить человѣка счастіемъ—полнымъ, потому что христіанское счастіе не несетъ съ собою никакого безпокойства, никакого разочарованія, не сопровождается ни стыдомъ, ни раскаяніемъ,—счастіемъ всеобъемлющимъ, потому что блаженство христіанина, не заключая въ себѣ ничего корыстнаго и эгоистичнаго, всѣхъ людей только сближаетъ, роднитъ и никому не мѣшаетъ, — счастіемъ вѣчнымъ, потому что оно, предвкушаемое христіаниномъ уже здѣсь на землѣ, будетъ осѣнять его въ вѣчности,— счастіемъ неизмѣннымъ, потому что оно получается отъ неизсякаемой и неизмѣнной благости Божіей, —

счастіемъ высшимъ, несравненнымъ, потому что ничто земное не можетъ и уподобиться религіозному счастію вѣрующаго христіанина, — счастіемъ небеснымъ, ангельскимъ, потому что христіанинъ, всю жизнь, всю душу, всего себя ввѣрившій Богу и только радующійся о Богѣ, Спасѣ своемъ, уже и на землѣ, дѣйствительно, становится подобенъ ангеламъ-небожителямъ.

Но нельзя ни на мгновеніе забывать того, что счастіе, даруемое вѣрой Христовой, далеко не есть удѣлъ всякаго человѣка, именующаго себя христіаниномъ: оно дается христіанину истинному, честному, искреннему, христіанину только вполнѣ, вседушевно вѣрующему. Въ этомъ разгадка всѣхъ недоумѣній нашей жизни, въ этомъ и отвѣтъ на всѣ возраженія противъ христіанства. Какъ во времена оны, когда Самъ Спаситель на землѣ *съ человѣки поживе*, только вѣровавшіе въ Него слѣпые и недужные получали отъ Него исцѣленіе, такъ и нынѣ и во вѣки вѣчные вѣренъ и непреложенъ будетъ глаголъ Спасителя, обращенный къ намъ: *по вѣрѣ вашей будетъ вамъ*! (Матѳ. 9, 29).

Такимъ образомъ, возможное не только въ будущей, но и въ этой жизни истинное счастіе христіанина, въ волѣ послѣдняго находится и отъ него самого зависитъ. Пользуется или не пользуется христіанинъ дарованнымъ ему источникомъ счастія и открытою для него возможностію достигнуть онаго, задумывается или не задумывается христіанинъ о своей судьбѣ, это дѣло его свободы и есть его, добровольно имъ са-

мимъ избранная, участь. Во всякомъ случаѣ, благодареніе Господу, даровавшему намъ въ христіанствѣ счастіе наше, *слава Богу, благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ*! И святѣйшій долгъ человѣка, вся цѣль его жизни, весь смыслъ его существованія—не надѣясь ни на себя, ни на людей, ни на какое земное, всегда призрачное счастіе, стремиться только ко Христу, достигать дарованнаго Имъ счастія христіанскаго. По слову Апостола, только *хваляйся о Господѣ — да хвалится*! (2 Кор. 10, 17). По призыву того же Апостола, *радуйтеся всегда* только *о Господѣ, и паки реку: радуйтеся*! (Филип. 4, 4).

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.